

Денис Бушлатов Хранитель Бездны

*На стеклах нарастает лед,
Часы твердят: «Не трусь!»
Услышать, что ко мне идет,
И мертвой я боюсь.*

Анна Ахматова

*Когда дом жизни остается открытым и
заброшенным, в него может войти то, чему мы не
знаем имени.*

Артур Мейчен

Пролог

Утонувшие в тумане дома казались сотканными из облаков. Воздух был сырым и по-утреннему холодным. Пахло травой и хвоей.

Под ногами хрустело. Он опустил голову, но плотные клубы тумана полностью укрыли тропинку — будто там, под молочной завесой, ничего нет и он ступает по хрустящей пустоте.

Перед ним, на расстоянии вытянутой руки, материализовался забор из черной мокрой древесины. Он прикоснулся к разбухшему дереву:

ощутил его шершавую рельефную поверхность, пробежался пальцами по трещинам и, поежившись от внезапно возникших мурашек, побрел дальше.

Звуки в тумане распространяются странно: порой далекое уханье совы слышно так, словно прямо над головой пронеслось неведомое чудовище. Он слышал, как хлопает калитка, но не мог понять — ни в каком направлении идти, ни насколько далеко расположен вход во двор.

Впрочем, оказалось, он шел верно. Пройдя лишь несколько шагов, он почти наткнулся на рассохшуюся кривобокую калитку, скрипящую на ветру. Прямо на досках была прибита табличка, однако надпись на ней расплылась со временем и превратилась в гротескную кляксу, внушающую беспокойство и легкий страх.

Не медля и не задумываясь, он дерзко толкнул калитку и под скрип ржавых петель вошел во двор. Все так же хрустело под ногами. Казалось, туман вытянул жизнь из звуков — хруст был глухим и плоским, нарисованным.

Он невольно усмехнулся своим мыслям: «Можно ли нарисовать звук? Можно ли услышать цвет? Увидеть... увидеть то, что находится за пеленой тумана?»

Ветер в ответ подхватил марево и разорвал его на длинные тягучие полосы. В образовавшейся бреши показались ступени, такие же черные и

прогнившие, как и забор. Стараясь не обращать внимания на растущий страх и давящее, распирающее ощущение в животе, он поднялся по лестнице на веранду, в абсолютной темноте нащупав для опоры перила рукой, и тотчас же, содрогнувшись от отвращения, отдернул ее от мокрой и скользкой поверхности.

Хруст под ногами сменился столь же глухим и безжизненным скрипом гнилых досок. Стоя на террасе, он не мог видеть весь фасад дома, все еще полустертый туманом, однако явственно различал оконный проем, накрест забитый досками, возле которого под низким навесом находилась входная дверь, грубо и наспех слеplенная из разномастной древесины. Дверь была плотно закрыта, однако время и влажность сделали свое дело — щели между досками были настолько широки, что стоило ему присмотреться, и он увидел бы внутреннее убранство дома. Однако мысль о том, что для этого придется прижаться щекой к блестящей и разбухшей от гнили поверхности, вызвала сильный приступ тошноты.

Замерев в нерешительности, он все же протянул руку и коснулся дверной ручки. Дернул... и чуть не растянулся, поскользнувшись на мокрой террасе, а дверь, неожиданно легко поддавшись, с каким-то почти чавканьем приоткрылась на несколько сантиметров и застряла, будто что-то в

темной прихожей потянуло ее обратно.

Он застыл, не выпуская ручку, борясь с нарастающим желанием повернуться и бежать, бежать прочь из этого жуткого места. Как только он представил себе, что уходит, нет — улепетывает со всех ног, по колено проваливаясь в густой рассветный туман, что-то внутри него отозвалось болезненным толчком, и он услышал, или ему показалось, что он услышал, тихий настойчивый шепот:

«Хорошо-о ... — протяжно шептало нечто внутри, — хорошо-о-о...»

Он зажмурился и, решительно отогнав морок, опять потянул за ручку — дверь поддалась неохотно, со скрежетом, и скрежет этот почти заглушил разочарованный вздох в его голове.

Тьма за дверью была непроглядной. Ступить в этот мрак — попасть в топь.

Он не хотел. Все его естество противилось самой мысли о том, что ему придется находиться внутри этого гнилого черного дома. Но каким бы сильным не был страх, он чувствовал что стоит ему развернуться и побежать, как нечто внутри него возликует и... Что тогда? Почему-то, он знал, что последствия такого решения будут необратимы не только для него, но и...

— Что со мной? — он застонал и, с опаской опершись на дверной косяк, притаился в

нерешительности, нелепо прижав руку к горячему лбу. Зажмурившись от острой боли в висках, пересилил себя и, подобно человеку, шагающему с крыши многоэтажки задержав дыхание, на ватных, подкашивающихся ногах ввалился всем телом в мрак прихожей.

В ушах его возмущенно визжало существо, запертое внутри.

Уже не удивляясь и не вздрагивая, ни на миг не прекращая движения, он решительно развернулся к двери лицом и с силой потянул ее на себя, отрезая путь к отступлению.

Дверь захлопнулась с тем же влажным гнилым чавканьем, и он остался наедине с непроглядной тьмой.

— Будем жить здесь, — прошептал он, — здесь и проживем.

И улыбнулся темноте, ощущая, как чужая ненависть переполняет его.

Часть 1

ВОЗВРАЩЕНИЕ КАИНА

*Память о солнце в сердце слабеет. Что это? Тьма?
Может быть! За ночь прийти успеет Зима.*

Анна Ахматова

Глава 1

— ...задача, не нам помочь, а нас же и уничтожить. Нашими руками.

Пьяный голос, с трудом продираясь сквозь винные пары и табачно-дымовую завесу, вырвал его из пучин тьмы. Преодолевая сопротивление век, он с усилием разлепил глаза и тотчас же поморщился от пульсирующей тупой боли в висках. С трудом соображая, повертел головой, стараясь собраться с мыслями и сфокусировать расплывающийся взгляд (прищуриваясь и отчаянно кривляясь), — и в полном недоумении уставился на своего собеседника.

Пожилой. Морщинистое пропитое лицо. Налитые кровью глаза, утонувшие в темных набрякших подглазинах; щеки, испещренные алыми молниями лопнувших сосудов; дряблые мокрые губы, растянутые в пьяненькой полуулыбке, обнажающие желто-черные, кое-где сгнившие до пеньков зубы.

— Уроды! — оживился собеседник, заметив удивленный взгляд и приняв его как знак внимания, — я еще при коммунистах говорил... — он на миг потерял нить беседы и с тупой ненавистью уставился на полупустой грязный стакан с прозрачной жидкостью, что стоял прямо перед ним на почерневшей от времени барной стойке, — говорил... что не к добру все это. Весь

этот... — он помахал рукой в воздухе, — Горбачев, тля фашистская, путч этот. Они уже тогда все поделили, сечешь, Кирюха?

— Я — кожник... — он икнул, — не, так неправильно. Кожевник. Во. Работаю по коже. Хошь по пороссячьей, а хошь по человечьей. Могу... Могу такие рисунки забабахать, шо держись!

«Меня зовут Кирилл, — имя повертелось у него на языке как подозреваемый на очной ставке и показалось знакомым, но непривычно звучащим, — а может, и не Кирилл...» Впрочем, за неимением лучшего, и это подойдет.

Память, в полном замешательстве, как маленький не вовремя разбуженный несмышлениш, не выдавая ничего вразумительного, яростно отстреливалась слепящими сполохами желтого света, вызывающими еще большую боль в висках, и услужливо подкидывала отдельные фрагменты недавнего кошмара, в котором он брел навстречу неведомой тьме посреди туманной пустоты.

Кивнув автоматически в ответ на очередную бредовую реплику собеседника, он огляделся украдкой, все еще пытаясь сфокусировать взгляд. К удивлению своему, он понял, что пьян, ну или по крайней мере явно нетрезв. Во рту ощущался омерзительный привкус плохой водки и... определенно табака. Странно, ведь он не курит... А

почему бы ему в самом деле и не курить, да и откуда ему знать? Он ухватился было за мелькнувшее воспоминание, но оно растворилось в глубине его опустошенной памяти без следа.

Он находился... предположительно, в баре, причем в баре самого низкого пошиба — скорее в наливайке, с соответствующим контингентом. Небольшое задымленное помещение с двумя маленькими наглухо закрытыми окнами под грязными и ветхими занавесками; несколько тусклых допотопного вида ламп на желтом с черными подпалинами потолке; пять-шесть столов, забранных клетчатыми скатертями — даже в сигаретном чаду он автоматически отметил, что скатерти не мыли, пожалуй, никогда. Длинная, некогда полированная барная стойка, вдоль которой стояли барные стулья с разлезшейся от ветхости обшивкой и бесстыдно вылезшей ватой. Вздувшийся линолеум под ногами, рисунок на котором, быть может когда-то, изображал паркет, но влага и грязь превратили его в нечто совершенно потустороннее.

Под стать заведению были и посетители. От его собеседника, беспощадно орущего прямо ему в лицо, жутко воняло застарелым потом, водкой и едкими дешевыми папиросами, одну из которых он крепко сжимал черными от въевшейся грязи пальцами. Кроме них был здесь еще один

посетитель — на барном стуле сидела женщина в длинном красном платье и серой синтепоновой куртке с эмблемой олимпиады на спине. Она то и дело механически подносила ко рту пивной бокал с ядовито-пенящимся содержимым и, сделав глоток, тотчас же затягивалась сигаретой, выпуская сизый дым в потолок. Лицо ее, изможденное и старое — лицо умирающей от непосильных трудов лошади, было испещрено глубокими морщинами. Тени и помада были наложены столь грубо, что создавалось впечатление, будто кто-то смея ради разукрасил ее клоуном.

Ее волосы, когда-то покрашенные в оскорбительно-рыжий цвет, торчали в разные стороны, как у пугала. С омерзением он отметил блестящие жирные проплешины. Почувствовав его взгляд, она подняла руку, ту, в которой была зажата сигарета, и он подумал было, что она собирается прикрыть лысину, но вместо этого она принялась чесаться, глубоко вонзая ногти в розовую кожу.

Напротив нее одутловатой необъятной горой, рядом с которой вся мебель выглядела игрушечной, грозно нависал бармен — мужчина в когда-то белом, по всей видимости поварском, халате. Он тяжело дышал — многочисленные подбородки колыхались студнем; жирные губы то и дело вытягивались в трубочку, жадно всасывая в себя воздух. Бармен опирался руками-лапами с

огромными жирными пальцами на барную стойку и, понутив голову, исподлобья наблюдал за посетителями сквозь прорези век.

Кроме них в баре находились еще несколько человек, занявших один из свободных столиков в углу. Над ними висело облако тяжелого дыма. Посетители переговаривались низкими гортанными голосами. То и дело их беседа взрывалась коротким лающим смехом.

— Что, Киря, заскучал? Водка не в то горло пошла?

Он уставился на соседа. Надо было что-то сказать. Или, быть может, выдать себя и спросить напрямую: что здесь происходит? Где он, черт подери, находится? Впрочем, последняя мысль показалась ему не самой удачной. Он пьян, ...должно быть, сильно пьян. Алкогольный... «палимпсест» — слово услужливо выскочило из темного омута памяти, и даже не вполне уверенный в правильности термина он успокоился. Ведь если он с такой легкостью вспомнил столь сложное слово, то и все прочее всплывет.

Он закашлялся, с омерзением ощущая все тот же привкус табака во рту. Встал... вернее, сполз с высокого стула.

— Я... — еле ворочая языком, как будто он давно не использовал речевой аппарат. — Мне нужно в туалет...

Сосед заулыбался, обнажая жуткие зубы.

— Ну конечно, конечно. С тобой, Киря, не попьешь. То одно, то другое. Ну, иди. Я тут... — он неожиданно раскатисто и влажно рыгнул, — посижу.

— Антоха! — в сторону гиппопотамьей туши бармена. — Плесни в стакан, а то ты мне пустой принес, — и рассмеялся в восторге от собственной шутки.

* * *

Оббитая растрескавшейся фанерой дверь с наискось приклеенным пластмассовым трафаретом, изображающим писающего мальчика, находилась слева от барной стойки. Осторожно ступая по липкому линолеуму, он подошел к туалету и, немного помедлив, потянул за ручку: всматриваясь в непроглядный мрак перед собой, он почувствовал себя на пороге давешнего сна. В нос шибануло воню.

Он отступил на шаг и только через несколько невероятно долгих секунд сообразил, что следует включить свет. Нашарив выключатель, нажал на него и еле удержался от крика, прикрыв ладонью рот.

В неверном свете лампочки без абажура, уныло свисающей с растрескавшегося потолка,

помещение выглядело куда ужаснее. Прямо перед ним, на небольшой ступеньке, находился унитаз — желтовато-белый и на удивление чистый. На треснувшем бачке сидела жирная облезлая крыса и сверлила его красными бусинками глаз. Лениво и как-то неловко она повернулась к нему спиной и, боком соскользнув с бачка, плюхнулась на заплыванный и залитый мочой кафельный пол. Столь же медленно и неуклюже поплелась прочь, то и дело отряхивая лапки.

Справа от унитаза находился умывальник с капающим ржавым краном. Кто-то ради хохмы написал прямо на чаше умывальника неприличное слово и указал стрелкой на отверстие слива. Судя по запаху, посетителям эта шутка пришлась весьма по вкусу.

Над умывальником когда-то, в лучшие времена, висело зеркало — о нем теперь напоминало пятно относительно незагаженной плитки.

Преодолев отвращение, он повернулся спиной к унитазу и попробовал было прикрыть дверь, но замок был разболтан и дверь закрывалась не полностью.

— А и черт с тобой! — выругался он.

Подошел к умывальнику и после недолгих раздумий открыл кран рукавом куртки, стараясь ни к чему не притрагиваться голыми руками.

Трубы издали низкий протяжный звук, и кран изверг из себя тонкую струйку ржавой вонючей воды.

— Да что же это... — он содрогнулся от омерзения, разглядев в струе ком седых волос, который приклеился к внутренней поверхности крана и вот теперь нашел время, чтобы шлепнуться в умывальник жирной омерзительной водорослью.

Нет, нельзя на это смотреть. Какого дьявола он здесь делает? Нужно... нужно позвонить. В такси, а там домой, к черту на кулички, но... Где его дом? Куда идти? Пожалуй, стоит вызвать «скорую», а то и... другую «скорую» — у него явно галлюцинации.

Боль в висках становилась положительно нестерпимой. Он застонал и сжал голову в ладонях. И неожиданно почувствовал ломоту в костяшках пальцев на левой руке, словно мигрень каким-то образом перетекла в кости ладони. Он отнял руку от виска и недоуменно уставился на нее. На мгновение, ему показалось, что костяшки сбиты до мяса, но присмотревшись, он понял, что неверный свет сыграл с ним злую шутку-кожа была абсолютно целой, желтушной под лучами слабенькой лампочки. Чепуха... Сейчас не до того...

Должна же быть какая-то зацепка?! Ключи от квартиры быть может, или визитки. Опустив руку в

карман куртки (автоматически отметив добротную кожу), он из него не выловил ничего, кроме нескольких мятых купюр. В другом кармане было пусто.

Однако удача не полностью отвернулась от него: в заднем кармане джинсов вместо ключей обнаружилось портмоне — мягкое, дорогое, судя по виду, и плотно набитое. Дрожащими руками открыв его, он тотчас же с тревогой бросил взгляд на полуоткрытую дверь, но за нею никого не было.

Кошелек был полон денег. Были там и доллары — в основном сотенные купюры — и евро. Кредитные карточки и... сердце зачастило — вот оно! Под тонким прозрачным пластиком — водительское удостоверение!

Он вытащил прямоугольную карточку и замер.

Нет, конечно же, его звали не Кирилл. Не Кирюха и даже не Киря.

Судя по документу, выданному центром обслуживания ГАИ ГУМВС в Ташлинской области, он — Сухарев Андрей Евгеньевич, 12 апреля 1978 года рождения.

Сбоку, там где полагалось быть фото, зиял оплавленный черный овал.

«Сухарев»... «Сухарев — Сухарев», Сухарев... К ужасу своему, он понял, что и это имя ему совершенно ни о чем не говорит — не вызывает

ни ассоциаций, ни ощущения причастности. Нет, определенно, у него проблемы куда более серьезные, нежели клятый палимпсест. Быть может, ему подмешали клофелин в водку, но тогда почему злоумышленники не забрали кошелек, ограничившись порчей прав? Да и что он забыл в этом ужасном месте — недешевая одежда и приличная наличность не совсем соответствовали завсегдатаю таких заведений...

Что же... Стало быть, Сухарев. Андрей Евгеньевич. Не такой уж и старый и, судя по всему, не такой уж и бедный.

Он снова порылся в кошельке и после недолгих поисков выудил регистрационный талон на ... ого... положительно, не такой уж и бедный... AUDI A6. Осознание того, что машина новая и довольно дорогая, пришло автоматически. Видимо, он разбирался в автомобилях. Впрочем, как он не напрягался, но вызвать в памяти образ собственной машины (цвет черный, регистрационный номер ВН0019ТИ) не удавалось. Волна нетерпения, заставившая его непослушными руками обхлопать карманы в поисках ключа от машины или мобильного телефона, схлынула, сменившись полным штилем разочарования, когда не обнаружилось ровным счетом ничего.

Быть Сухаревым определенно лучше, чем алкоголиком Кирей. Рано или поздно память

вернется.

Словно в подтверждение в углу кабинки раздался негромкий писк. Он, вздрогнув, повернулся и встретился взглядом с уже знакомой крысой. Та ощерилась, еще раз воинственно пискнула и скрылась в черной дыре в стене.

Кое-как пригладив волосы, он вышел из туалета, мстительно погасив свет — пусть крыса помается в темноте.

* * *

У него не было ни малейшего желания оставаться в задымленном баре. Быстрым шагом он приблизился к барной стойке, за которой понурившись сидел его давешний собутыльник и, казалось, спал. Впрочем, стоило ему подойти, как мужчина приоткрыл заплывшие глаза и довольно буркнул:

— Чта... с облегченъцем? Я тут без тебя дерз-знул, и заказал...еще, вот, по пятьдесят. И все. На сегодня, во всяком случае, верно, Киряандр?

— Меня зовут Андрей, — произнес он, с какой-то злостью смакуя незнакомое имя, — Андрей Евгеньевич Сухарев, а вот вашего имени, уважаемый, я не припоминаю.

Мужчина уставился на него как на душевнобольного.

— Что-то ты Кирюхин, совсем сдал, — наконец произнес он на удивление трезвым голосом, — ты бы, старик, печень проверил...

Он неторопливо достал папиросу из смятой пачки и с некоторым усилием прикурил ее от зажигалки с полустершейся неприличной аппликацией.

Не реагируя на выпад, Андрей сделал знак бармену, но тот мимоходом глянул, слегка повернув в его сторону огромную голову и хрюкнув, отвернулся к полупустым полкам.

Андрей подошел к толстяку и уселся на высокий стул — прямо напротив. Бармен и ухом не повел, сосредоточенно протирая заскорузлой тряпкой засиженную мухами полку, на которой одиноко ютилась пустая бутылка из-под водки с отбитым горлышком.

— Послушайте, милейший, — стараясь говорить твердо и трезво, начал Андрей, — сколько там я вам задолжал? Счет... можно счет, пожалуйста?

Рыжеволосая карга слева от него залилась низким скрипящим смехом. Он в изумлении уставился на женщину. Та повернулась к нему, закинув ногу на ногу и широко ухмыльнувшись, облизала густо накрашенные губы.

— Поиграем, малыш? — просипела она, — любой каприз, как говорится...

Даже на расстоянии он чувствовал едкое густое амбре, исходившее от женщины.

Отвернувшись, Андрей в раздражении стукнул по столешнице кулаком, чем наконец привлек внимание бармена. Мужчина с некоторым усилием повернулся к нему, опершись на руки, внимательно и с какой-то холодной брезгливостью окинул его взглядом.

— Что... вы... шумите... — просипел он. Многочисленные подбородки заколыхались, щеки затряслись как холодец.

— Я. Попросил. Счет, — отдельно процедил Андрей.

Бармен неожиданно пискляво хихикнул:

— Счет... Тут не ресторан...

— Не пять звезд, мишлен, ага! — вставила карга.

— Ну да... не пять звезд, точно. С вас... А сколько бы вы дали? За все это? — бармен обвел жирными колодами рук помещение так, будто предлагал Андрею купить весь бар с прилегающей территорией.

Вопрос показался ему столь абсурдным, что он на некоторое время растерялся. Впрочем, в свете всего происходящего, абсурдность заданного вопроса была... весьма предсказуемой. Он, возможно, не удивился бы, достань бармен из-за пазухи ободранную скрипку и заиграй, положим,

...что там играют скрипачи? На ум пришло несколько диких еврейских мелодий.

— Просто скажите, сколько я должен...

Видимо, здесь принято издеваться над чужаками. Называть их Киряндрами и предлагать плотские утехи с вышедшими в тираж проститутками.

А и пусть. Он расплатится и уйдет. Все, что ему нужно... Но, позвольте, позвольте, куда ему идти?

Не совсем понимая, что он делает, Андрей снова достал из кармана кошелек и, раскрыв его, внимательно уставился на адрес, указанный на правах. Как и собственная фамилия, адрес не вызвал чувства облегчения от узнавания, однако это, несомненно, была зацепка.

Сзади раздался тихий удивленный свист.

Повернув голову, он увидел, что компания за дальним столом с нехорошим любопытством разглядывает его, точнее, пухлый кошелек, что он держал в руках. Встретившись с ним взглядом, мужчины спешно отвернулись и обменялись несколькими тихими фразами на странном гортанном наречии. В руке одного из посетителей он, к ужасу своему, увидел нож-бабочку — тот спокойно и профессионально вертел его открывая-закрывая. Мужчина поймал его взгляд, ослабившись, поднял лезвие ножа к горлу и

выразительно провел по горлу от уха до уха. И подмигнул.

Андрею стало зябко. Потерять память... потерять память — это, черт возьми — хреново, но оказаться зарезанным в какой-то жуткой потусторонней бодеге — совсем из рук вон.

— В общем, так, — он, не глядя, вытащил из кошелька крупную купюру, отметив только, что это была национальная, а не свободно конвертируемая валюта, и протянул ее человеку-слону за барной стойкой. — Это за меня и... — он указал в сторону своего недавнего спутника, сосредоточенно курившего смрадную папиросу, — за этого вот товарища. Сдачи не надо.

Бармен, не говоря ни слова, сгреб купюру сарделькообразными пальцами и засунул ее в карман халата.

— И еще, — Андрей старался говорить быстро и тихо, не привлекая внимания компании в углу, — у вас есть... телефон?

Мужчина замер, и в его глазах появилось какое-то новое, необычное даже для этого странного места выражение.

— Те-ле-фон? — по слогам переспросил он.

— Да, вы можете вызвать такси?

Крошечные глазки бармена расширились. Он хрюкнул, совсем как свинья, и сосредоточенно потер блестящий жирный нос.

— Такси? — еще более удивленно протянул он.

Андрей почувствовал, как волна раздражения вытесняет страх.

— Такси. Телефон. Земля вызывает Марс, алло! Вон та штука за вашей спиной, — он указал пальцем в сторону древнего дискового телефона, что примостился на нижней полке.

Бармен поглядел на аппарат с таким видом, будто увидел его впервые. Повернулся к Андрею и как-то по-детски передернул плечами.

— Это... не работает...

— Хорошо. Не работает, и хрен с ним, — Андрей похлопал себя по карманам и с негодованием вспомнил об отсутствии мобильного, — а мобильный есть у вас? Я оплачу, разумеется, сколько там за звонок...

Вместо ответа бармен тяжело задышал и принялся нелепо переступать с ноги на ногу.

— Здесь... не ловит, — наконец буркнул он, — да и куда вам ехать, в конце концов?

— Да, куда тебе ехать в конце концов? — донеслось из угла, — оставайся с нами, присядь, выпей с пацанами, окажи уважение, а?

Он повернулся и увидел, что все сидящие за дальним столом теперь смотрят на него. Мужчины издевательски улыбались.

— Мне... нужно... — Андрей понял, что

снова забыл адрес. Нервно раскрыл кошелек и указал бармену на крошечные буквы на водителском, словно в дымном полумраке можно было что-то разглядеть, — по этому адресу. Можно вызвать такси?

— Отсюда одна дорога... В город. Туда никакие такси не ходят, — отрезал бармен.

— В город! — заржал один из парней за дальним столом.

— В какой... город?

Бармен снова уставился на Андрея с изумлением, к которому теперь примешивалась толика... был ли это страх? Да, несомненно, — страх.

— Тут один город, — наконец, пробурчал он, — и такси...

— Я понял уже. Как далеко этот ваш город? — желание уйти из бара становилось невыносимым.

— Далеко? Верст двадцать пять будет, пожалуй, но это смотря когда, — мужчина недоуменно запыхтел, — а тебе пошто?

— Я так понимаю, что вы отказываетесь вызывать такси, верно?

— В город? Ты хочешь ехать в ГОРОД?

Казалось, что только теперь бармен понял, чего от него добиваются. Он отпрянул, почти задевая полки за спиной, и даже приподнял руки,

закрываясь каким-то совершенно детским беззащитным движением.

— Господь с тобой! Никто не повезет тебя в Город!

Что-то изменилось. Загустел чадный воздух в баре. Рыжеволосая карга перестала хихикать, да так и замерла в напряженной позе, чопорно поджав губы и опустив глаза. Молодчики за крайним столом, как по команде, отвернулись от Андрея и, склонившись над бокалами с пивом, принялись тихо бормотать, то и дело бросая на него осторожные, испуганные взгляды.

— А ты оставайся здесь! — с наигранным радушием разулыбался толстяк, — ну, поживешь у нас на заправке, там лежачок мы тебе справим, на работу, опять же, устроим здесь. Ну, хозяйство-то у меня немалое, — он окинул взглядом задымленный зал, — всяко руки не помешают!

Вся эта чертовщина положительно выходила за рамки. Злость вытеснила страх. Он и думать-то рационально не мог в эту секунду.

— Послушайте, — осторожно, как к душевнобольному, обратился он к бармену, — вы мне только скажите, в какую сторону идти, я и пойду. Все эти ваши версты пройду, а там, глядишь, встречу... ну ямщика али обоз какой... Поди, волки меня и не съедят...

— Там нет волков, — внезапно прошептала

рыжеволосая старуха, сверля глазами столешницу, — они всех волков...

Бармен громко кашлянул, и женщина осеклась.

— Так, значит, — скороговоркой зачастил толстяк, — как выйдешь, от заправки направо шоссе. Дальше — по указателям. И дверь закрой за собой! — последние слова он почти выкрикнул.

Андрей в недоумении пожал плечами и пошел к выходу, спиной ощущая взгляды посетителей. Толкнул скрипучую дверь рукой и, не оглядываясь, покинул помещение.

Глава 2

1

На улице было по-осеннему зябко и неожиданно светло. Отчего-то Андрей был уверен, что за окном ночь — быть может, тому виной была грязь, жирным слоем покрывавшая стекла бара, да заскорузлые темные занавески, создававшие дополнительное препятствие для дневного света.

Он огляделся, подсознательно пытаясь найти знакомые ориентиры, однако память упорно отказывалась реагировать на окружающий пейзаж.

Непосредственно перед его глазами был

расположен ржавый насквозь остов бензоколонки. Два когда-то красных насоса казались облитыми кислотой. Краны мертвыми змеями валялись на растрескавшемся асфальте, увитые желтым сухим плющом. Навес из поликарбоната пестрел дырами, сквозь которые виден был металлический рыжевато-черный каркас. Неподалеку, на фоне низко нависающего серого неба, нелепым пальцем указывал вверх длинный почти с полностью облупившейся краской столб. На самой верхушке его располагался потрескавшийся знак с полустершейся эмблемой, изображающей восемь стрел, разлетающихся в разные стороны прочь из центра, — черной грубо намалеванной точки-глаза; краска в этой точке сохранилась лучше всего, и создавалось впечатление, что в центре эмблемы зияет неровная дыра.

У самого столба была припаркована древняя «Победа». Машина была щедро присыпана опавшей листвой.

При заправке когда-то находился и магазин — его скелет с выбитыми стеклами неприветливо скалился дверным проемом. Сама дверь валялась неподалеку — сквозь нее редко проросла желтая чахлая трава.

Из-за угла магазина шаткой неестественной рысью выбежала необычайно длинная худая собака. Остановившись в нескольких метрах от Андрея, она

повернула к нему седую морду, вывалила малиновый язык и неожиданно широко улыбнулась, будто признав в нем старого знакомого. Повилила облезлым хвостом и побежала дальше.

Он сделал несколько шагов вперед и, оглянувшись, посмотрел на бар, уродливым коробом возвышавшийся над ним. Фасад здания был когда-то забран белым щегольским профнастилом. Несколько листов отвалилось да так и валялось под ногами; остальные растрескались, казались грязными и ветхими настолько, насколько это вообще было возможно. Простая двускатная крыша была и вовсе не подшита — Андрей хорошо видел гнилые доски. Под одной из балок свила гнездо ласточка (довольно крупная ласточка, судя по размеру гнезда, — автоматически отметил он про себя) — нелепый ком сухих веток занимал почти весь угол крыши.

Окна, казавшиеся грязными изнутри, с внешней стороны выглядели совершенно черными, словно кто-то намеренно замазал их слоем мазута, который изредка отсвечивал крошечными искорками чудом сохранившейся незапятнанной поверхности.

Над кособокой дверью черной краской было написано: «Бар Кордон». На самой двери висела древняя табличка, поясняющая, что заведение открыто ежедневно, без выходных, и работает до

последнего посетителя.

Андрей обнаружил, что за ним наблюдают и, присмотревшись, увидел смутные очертания нескольких голов, прильнувших к грязной поверхности окон с другой стороны. Дверь тихонько скрипнула и в образовавшуюся щель протиснулась еще одна голова, принадлежащая его недавнему собутыльнику. Увидев смотрящего на него Андрея, мужчина смутился и принялся с неподдельным любопытством первопроходца осматривать окрестности, фальшиво посвистывая.

Андрей пожал плечами. Раздражение и злость сплелись в причудливый коктейль — он злился, и на своих недавних знакомцев из бара, и на себя, и на распроклятую амнезию... Злость помогала ему справиться с другим чувством, не оставляющим его с того момента, как он очнулся.

Страх.

Казалось, им был пропитан воздух. Страх угадывался в абрисе разрушенной бензоколонки и в выщербленном асфальте под ногами, и в неестественно длинной улыбчивой собаке. Страх был в каждом шорохе, в скрипе сухих ветвей склонившегося под легким ветерком тополя, в шелесте старой газеты, зацепившейся за оконную раму магазина. Страх был в сером бескрайнем небе и в трепещущих в поднебесье черных силуэтах птиц.

Нет, ни в коем случае нельзя поддаваться эмоциям. Он напился, или... его отравили, подмешали что-то в питье, возможно, украли машину — это объяснило бы отсутствие ключей и телефона в кармане. Быть может, грабители в спешке не заметили кошелька, а может, и пожалели незадачливую жертву, оставив ей кругленькую сумму в качестве компенсации за отобранную собственность. История показалась ему высосанной из пальца и явно не налазила даже на самую больную голову, но при наличии отсутствия, как говорится, пока представлялось, что все случившееся с ним — не факт. Это гораздо больше, чем факт. Так оно и было на самом деле.

Теперь важно добраться до телефона, уж коль никто из деградантов-посетителей не собирается ему помогать. Да и не было у него ни малейшего желания оставаться в этой грязной наливайке, где, чего доброго, его прирежут и отберут последние деньги. Положительно, нужно искать телефон. Наверняка по пути в город (как же называется этот чертов город?) есть и другие, работающие автозаправки. Оттуда можно вызвать помощь — ему не улыбалось топтать всю дорогу (верст двадцать пять, как сказал гиппопотам за барной стойкой). А там, домой, по указанному адресу, к врачам, в психушку, милицию, к чертовой матери — лишь бы подальше отсюда.

Он поглубже втянул голову в плечи — холод пробирал даже сквозь толстую добротную кожу, да и отсутствие шапки сказывалось — у него начали мерзнуть уши — и побрел в сторону дороги.

Проходя мимо рекламного столба, еще раз окинул взглядом «Победу». Несмотря на ржавчину и одеяло из желтой листвы, машина не производила впечатления брошенной. Скорее, складывалось впечатление, что хозяин оставил ее перед тем, как... зайти в бар и застрять там на неделю.

Выйдя за территорию заправки, он оказался на двухполосном шоссе. Серое, все в выбоинах и ямах дорожное полотно змеей уползало за далекий горизонт. По обе стороны дороги, насколько хватало глаз, тянулись бесконечные поля, поросшие увядшей травой и сорняками. Редко-редко корявыми пальцами торчали черные сухие тополя, посаженные у обочины.

В последний раз оглянувшись на бар (издалека здание казалось еще более неухоженным, вызывая омерзение), Андрей решительно побрел прочь, в сторону, указанную барменом.

— Будем надеяться, что он хоть направление указал верно, — пробурчал он и осекся: собственный голос казался неестественно плоским и совершенно незнакомым. Тишина, в которую он погрузился, была настолько плотной, что каждый звук бил по ушам нескрываемой угрозой.

Где-то залаяла собака. Лай перешел в вой, затем в визг, будто кто ударил пса. Эхом отозвался другой пес — вдалеке, за ним третий — и снова наступила звенящая тишина.

Поневоле Андрей ускорил шаг. Было сложно понять, который час — серые осенние сумерки могли свидетельствовать как о раннем утре, так и о надвигающейся ночи. Его совсем не вдохновляло идти по безлюдной дороге в темноте.

Но и возвращаться смысла не было.

Когда-то, будучи еще студентом, он оказался на улице без копейки денег, проводив свою пессию на такси после дискотеки. В карманах у него оставалось несколько монет, смятая и почти пустая пачка сигарет и зажигалка.

Андрей пошел домой пешком, строго распределив оставшиеся сигареты и развлекая себя пением вслух. На тридцать второй песне Виктора Цоя он добрался до общежития. Седенькая вахтерша ни за что не хотела впускать его. Он и спорить не стал. Неподалеку рос кряжистый каштан. Полный пьяной удали, он вскарабкался на него и по тонкой, опасно потрескивающей ветке забрался на общий балкон, оказавшийся, впрочем, наглухо закрытым на ночь. Он закурил последнюю сигарету и встретил один из самых потрясающих в своей жизни рассветов.

Воспоминание пришло так ненавязчиво, что

Андрей не сразу и понял, что произошло. Память возвращалась — пусть неохотно, обрывками — ничего не объясняющими кусками, но возвращалась.

Это приободрило его. Проанализировав эпизод еще раз, он сделал несколько зарубок на будущее. Выходит, что, будучи студентом, он курил, что не удивительно — почти все студенты курят. А потом бросил — вкус табака во рту удивил его. Более того, он был малый не промах — авантюрист, а это уже плюс... Будем надеяться, что плюс: порой авантюристы превращаются в рецидивистов — а ему почему-то не особо хотелось вдруг вспомнить о том, что он серийный убийца в розыске. Впрочем, это вряд ли.

Разухарившись, он принялся насвистывать мелодию наугад и тотчас же всплыли слова к ней прилагающиеся. И не только к ней. Он понял, что знает наизусть по меньшей мере сорок, если не больше, песен группы «Кино»; помнит биографию Виктора Цоя... Судя по всему, он весьма неплохо ориентируется в русском роке («Харе слушать этот говнорок» — пробасил кто-то в голове. И он тотчас же вспомнил Ромку — вечно непричесанного панка с самодельными татуировками на предплечьях. Сутулого и пьяного Ромку, нелепо сгоревшего в собственной квартире незадолго до выпуска)... Да и не только в русском роке. На ум пришло

несколько названий зарубежных групп. Вместе с названиями групп память услужливо подкинула ему и названия альбомов и песни, и... рифы, вот как это называется!

— Я умею играть на гитаре! — победно воскликнул он и тотчас же осекся — тишина поглотила фразу, не оставив и эха.

Быть может, он музыкант? гитарист? рок-певец?

Память сочла вопрошаемое вымогательством и, оскорбившись, смолчала. Что ж, хорошего понемногу. В конечном итоге, еще с час тому он не помнил и этого.

Андрей задумался на секунду и решительно затыкнул: «Но если есть в кармане пачка сигарет... — у него оказался приятный чистый голос, но сама песня звучала плоско, будто из мелодии была выжата вся жизнь, — Значит все не так уж плохо на сегооодняшний день!»¹ — ...упрямо продолжил он. Вышло немного лучше.

Ну вот... теперь будет не так (*страшно*)... скучно идти.

Невольно Андрей оглянулся. Бар и разрушенная колонка стали неожиданно маленькими, почти игрушечными. Выходит, он

---

¹ Песня В. Цоя «Пачка сигарет»

порядком протопал. Поглядев вперед впрочем, он не уловил ни малейших изменений. Все тот же безрадостный серый пейзаж, все те же бескрайние бледно-желтые поля. Неподалеку, умоляя небо о чем-то, вздымал ветви древний тополь. У основания ствола Андрей заметил белую поросль. Поравнявшись с деревом, он пригляделся и, заинтересовавшись, подошел поближе. Наклонясь, не сразу понял, что видит, а осознав, — отпрянул с неожиданно сильным отвращением.

Это были грибы. Мертвенно-белые, на тонких, извивающихся ножках под широкими плоскими шляпками. Чем-то они напоминали поганки, но если в поганках угадывалась жизнь, то эта грибница казалась... больной. Грибы, извиваясь, опоясывали ствол; некоторые росли прямо из коры, свешиваясь над собратьями. Поверхность шляпок была блестящей, скользкой.

Андрей поймал себя на странной мысли. Ему захотелось... прикоснуться к одному из грибов, быть может сорвать его, и... попробовать. От одной этой мысли ему стало тошно, но ужасней всего было то, что даже тошнота не могла заглушить острого желания ощутить холодную скользкую мякоть во рту.

Он даже сделал шаг вперед, и буквально на мгновение ему показалось, что несколько грибов шевельнулось, поворачивая шляпки в его сторону.

Миг — и морок прошел. Осталось вязкое, пресное ощущение во рту.

Он сплюнул горькой слюной и, отвернувшись, побрел прочь. Постепенно ощущение вязкости во рту исчезло, отступило и бредовое желание отведать поганок.

Видимо, это побочные эффекты... клофелина или другой дряни, что они там ему подмешали... В любом случае, важно как можно скорее прийти до телефона. Все прочее подождет.

Укутавшись поплотней, он ускорил шаги. Шоссе находилось в совершенно не пригодном для езды состоянии. То и дело дорогу пересекали огромные ямы — ужас водителя незнакомого с дорогой. Да и доскональное знание местной географии ходовую не спасет. Быть может поэтому, кругом ни души?

Пройдя, по собственным расчетам, еще километра два и спев дюжину песен Цоя, Андрей почувствовал первые приступы голода. Еще больше хотелось пить. Вот уж где не помешала бы припасенная заранее бутылка воды, купленная в том самом баре. Но, знал бы прикуп...

Он хмыкнул и, остановившись, огляделся.

Смотреть было не на что. Даже не обладая сильным воображением, можно было с легкостью представить себе, что разбитое шоссе петляет по кругу. Все то же низкое серое небо. Все те же поля

и все те же тополя у дороги (он больше не испытывал желания подходить к ним). Ни дорожных знаков, ни обязательных для любой автострады следов человеческой деятельности у обочины. Где-то за облаками горестно курлыкали журавли.

Через некоторое время он обратил внимание на то, что его зрение значительно ухудшилось, замыленное однообразным пейзажем. Тополя, мертво покачивающиеся в сером мареве, утратили четкость очертаний; их ветви казались зыбкими и полуреальными.

Он прищурился, но зрение не прояснилось, словно перед глазами была дымка.

Андрей задумался на секунду и вдруг понял, что с глазами все в порядке.

Наступили сумерки.

А следовательно, скоро станет совсем темно.

2

Он вздрогнул и словно в ответ на эту произвольную дрожь где-то далеко позади раздался тихий гул. Одновременно справа от себя он скорее почувствовал, чем заметил, движение. Повернув голову, он ничего не увидел. Хотя... Он присмотрелся и с каким-то отстраненным любопытством отследил, как по полю параллельно

ему перемещается некий неправильной формы объект. Движение было дерганым, скачкообразным. Поначалу Андрей подумал, что это заяц... чертовски большой заяц, учитывая то, что он находился от него достаточно далеко. Остановившись, он приложил руку козырьком и постарался разглядеть зверя в деталях, однако добился лишь того, что перед глазами заплясали черные мушки. Будто почувствовав его взгляд, существо замерло и мгновенно слилось с серым, темнеющим небом и пожухлой травой. Однако стоило Андрею отвернуться, и он снова уловил какое-то движение краем глаза. Резко повернув голову, он успел заметить, как таинственный объект сделал резкий и длинный скачок, на секунду черным трафаретом распластавшись в воздухе, и тотчас же исчез.

На расстоянии было совершенно невозможно оценить форму и размеры существа, но общие пропорции его показались Андрею неправильными, слишком неправильными.

Он прибавил темп, стараясь не обращать внимания на назойливое движение справа и все усиливающийся гул за спиной. Не осознавая своих действий, перешел на легкую трусцу, еле сдерживаясь, чтобы не рвануть со всех ног. Сердце неистово колотилось в груди. Несмотря на холодный воздух, ему стало жарко и тесно в

плотной куртке. Он заставил себя остановиться, еще раз бросил взгляд направо, однако на этот раз ничего не увидел. Тем временем таинственный гул за спиной превратился в куда более узнаваемое кашляющее рычание, даже рев. Такие звуки могло издавать адское чудовище, что вот-вот настигнет несчастную жертву, или древний двигатель.

Машина!

Дорога за его спиной высветилась фарами. В это мгновение Андрей внезапно испытал сильное желание сойти с шоссе и, затаившись в сухой траве, позволить автомобилю проехать мимо. Одновременно и совершенно некстати он вспомнил, что когда-то давно, а может быть и совсем недавно, он точно так же ехал по пустынной дороге, освещая выщербленный асфальт мощными фарами. Окно было распахнуто, и ветер пах луговыми травами. Он смотрел на дорогу свысока, как если бы сидел за рулем джипа или даже...

Воспоминание ускользнуло.

Андрей повернулся в сторону приближающегося автомобиля и, отступив на обочину, поднял руку.

Через несколько секунд его ослепило: два белых сияющих глаза, появившиеся над вымершим шоссе, неслись прямо на него на приличной скорости.

«Пожалуй, из местных», — подумал он.

Водитель, несомненно, знал дорогу и успешно лавировал между ямами, не снижая скорость.

Машина приблизилась, и, к своему удивлению, Андрей узнал в ней ржавую «Победу» из оставленного им бара. Автомобиль рычал и фыркал. Лицо водителя было скрыто в темноте кабины.

Прикинув, что его могут не заметить, Андрей принялся всюду размахивать рукой, привлекая к себе внимание.

Не доезжая нескольких метров до него, «Победа» взвизгнула, как побитый пес, и остановилась, оставляя на шоссе две четкие черные полосы.

Не задумываясь о последствиях, Андрей поспешил к машине. Остановившись, она продолжала рычать, теперь скорее умиротворенно, почти как кот, только что полакомившийся мышкой. При этом, впрочем, машину била мелкая дрожь.

Протянув руку к ручке пассажирской двери, Андрей вдруг подумал, что «Победа» трусится от страха.

Встряхнув головой, отгоняя морок, он открыл дверь и, наклонившись, встретился глазами со своим недавним собутыльником из бара. Мужчина крепко держась за руль одной рукой, второй сделал приглашающий жест, указав на сиденье, и

отвернулся, уставившись на темнеющее шоссе, так, будто ему было совершенно все равно, ползет Андрей в салон или останется на обочине.

Андрей подумал было, что ехать по разбитой дороге в обществе алкоголика, только что хорошенько принявшего на грудь, по меньшей мере — самоубийственная затея. Подумал, что мужчина может отвезти его обратно в бар с целью ограбить или что его дружки ждут их где-то в пути — место было безлюдное и как нельзя лучше подходило для злодеяний.

И сел в машину, резко захлопнув за собой дверь.

3

Мужчина тотчас рванул с места, да так, что Андрея вдавило в ветхую ткань пассажирского кресла. Крепко ухватившись за руль левой рукой, он правой переключил передачу на третью и буквально через несколько секунд — на четвертую. Казалось, он почти не обращает внимания на дорогу и ведет скорее интуитивно, прекрасно разбираясь в географии ям и трещин.

— До города я тебя не довезу, и не мечтай, — хрипло сказал он, не поворачивая головы. Даже на расстоянии Андрей ощутил запах сивухи — складывалось впечатление, что после его ухода

мужчина с горя выпил по меньшей мере еще литр, — высажу метрах в двухстах от автовокзала. А это, считай, город и есть, вот только я туда не поеду ни за что. Или могу, как вариант, отвезти тебя обратно, — он, наконец, взглянул на Андрея, повернув к нему черный во тьме салона овал лица, — в бар. Они раздобыли матрас. И попонку. Ночь скоротаешь.

Он снова уставился на дорогу, не дожидаясь ответа.

— Я... — Андрей помешкал немного, — послушайте, я благодарен вам и весьма. Признаться, я... — внезапно его осенило: — постойте, вы что, ради меня поехали?

— А что мне, грех на душу брать? — бросил мужчина. — Ты, я гляжу, совсем идиот, Киря, хотя, сразу и не разберешь. Я даже подумал, вот оно, пришло наконец и на мою улицу счастье. Появился у меня собеседник. Ан нет. Но, — он поднял вверх указательный палец, не отрывая руку от руля, — тебе... ах, падло! — в ответ на особо сильный толчок от которого «Победа» едва не развалилась на части, — тебе своя жизнь не мила, видать. Ну а им, — неопределенный жест назад, в сторону бара, — им на тебя тем паче плевать. Тут не каждый день развлечения, как ты сам понимаешь...

Андрей ничего не понял, но кивнул, стараясь не смотреть на дорогу. Ему все представлялось, что

безумный алкоголик вот-вот перевернет машину, въехав в очередную яму, но в последний момент мужчина всякий раз объезжал ухабы, чертыхаясь и матерясь сквозь зубы.

— Ну так что? — с некоей надеждой переспросил водитель, — может, того... В бар, а? Юрьич сказал, что если ты бузить не будешь, плату за ночлег он не возьмет... Али ты парней испугался? — он хохотнул. — Так я же и говорю, развлечений у нас с гулькин нос, а тут ты подвернулся. Они безобидней будут, чем... — он осекся и оторвав правую руку от рычага переключения передач протянул ее Андрею, — я Паша, если ты забыл. Забыл, да?

Андрею ничего не оставалось, как пожать протянутую руку. Чего греха таить, он испытывал благодарность к пропитому Паше и даже и спорить не стал по поводу того, что тот упрямо называл его Кириллом.

— Я... Спасибо, Паш. Если я тебе должен что... — он полез было в карман, но мужчина остановил его небрежным движением руки. — Но в баре я ночевать не могу. У меня дела дома... — он задумался на мгновение, понимая, как жалко и вымученно звучала эта ложь, — так что, автовокзал будет в самый раз. Сразу и сяду на автобус... Позвоню только и...

— Там не ходят автобусы, — прервал его

Паша.

Андрей изумленно уставился на мужчину. Поворачивая голову, он на миг увидел или ему показалось, да, несомненно, показалось, что он увидел, как дорогу перед ними перемахнуло размытое нечто, напоминающее давешнего зайца.

Павел и глазом не моргнул. Разумеется, ведь он и не заметил ничего подобного. Должно быть, наркотик, который ему подсыпали, вызывает галлюцинации.

Зайцы так высоко не прыгают.

Да и не существует в мире зайцев размером с крупного теленка.

Он почувствовал, как по шее за воротник скатилась капля холодного пота. Этот чертов заяц, вся эта нелепая ситуация... Автовокзал... На секунду он почти потерял контроль над собой и ему захотелось закричать, громко, неистово закричать, и кричать, не переставая, пока Паша не остановит машину и не выпихнет его на обочину, прямо на скользкую белую грибницу под тополем.

Сдержавшись, он тихим и почти безразличным, непрерывающимся голосом переспросил:

— Как не ходят? Закрыт уже автовокзал?

— Закрыт, — буркнул Паша.

Андрей откинулся на спинку сиденья и попытался успокоиться. То и дело машину

подбрасывало на кочках и ухабах, но скорость не снижалась. Постепенно вечер окрашивался в бархатные цвета ночи. Поля сливались с черным небом и, казалось, машина несется по бурному морю тьмы, то и дело подпрыгивая на неожиданно жестких волнах. Силуэты тополей, высвечиваемые фарами, приобретали фантастические очертания: не особо присматриваясь, можно было принять их за иссохшие руки, кости, обрамленные клочьями гнилой кожи.

— Так что там с баром? — упрямо повторил Паша.

— Паша, спасибо... — он кашлянул, — спасибо тебе за заботу, но я же сказал...

— Ну сказал и сказал, — отрезал мужчина, — мы... подъезжаем минут через пять. Я тебя высажу и уеду сразу же. Не зови, разворачиваться не стану. Как выйдешь, иди прямо вперед, тут одна дорога. До поворота, а там... ну, сам все увидишь. Мой тебе совет, иди сразу в город. На автовокзале не останавливайся. В двух шагах буквально — кафешка. Не бог весть что, но точно открыта до полуночи. Если подфартит, кто-нибудь тебя подвезет до гостиницы — это километр, не больше, по прямой. Тоже не Ритц. Там вполне... — он помедлил немного, — там безопасно. До утра.

Андрей открыл было рот, но мужчина предупредил его вопрос:

— И не спрашивай меня ни о чем, Кирилл. Я тебе все, что мог, сказал и как мог — помог. Мне тебя по-человечески должно быть жалко, конечно. Вот только судьба твоя, как это говорят-то... вне моей компетенции. Ну и ладно.

Он начал тормозить, на сей раз медленно, плавно снижая скорость. Остановившись, не стал глушить двигатель, но зачем-то выключил фары. Теперь Андрей понял, что еще не совсем стемнело — во всяком случае, он мог разглядеть дорогу, уходящую вперед, и все те же осточертевшие поля вокруг.

Он удивленно уставился на своего водителя. Тот махнул рукой вперед.

— Отсюда не видать, — с видимым сожалением произнес он, — потому как дорога идет на пригорок малость, а потом, сразу за холмом, поворот направо. Как выйдешь на поворот, метрах в пятидесяти, не более, будет автовокзал. Ну, ты его не пропустишь. Паша перегнулся через Андрея, обдав его сивушным духом, и открыл скрипучую дверь. В салон ворвался холодный воздух.

— Иди, — выдохнул мужчина.

Андрей пожал плечами и протянул ему руку, но тот не отреагировал, упрямо глядя вперед.

— Спасибо, Паша, — тихо произнес Андрей и вышел из машины. Пройдя буквально несколько шагов по обочине, он услышал, как «Победа» с

ревом и визгом рванула вперед, объехала его, развернулась по широкой оси и, не включая фар, унеслась прочь, набирая скорость. Вскоре рокот мотора превратился в гул, гул в эхо, и вот уже только едва различимые полосы, оставленные плохонькой резиной на асфальте, указывали на то, что Андрею не пригрезилась поездка во тьме.

4

Оглядевшись вокруг, он не заметил видимых отличий от того места, где находился, пока Паша не подобрал его. Пожав плечами, побрел вперед, чувствуя, что дорога действительно идет в гору. Пройдя метров сто, остановился, с удивлением понимая, что запыхался так, словно был на большой высоте, где каждый шаг дается с трудом. Одновременно он понял, что действительно бывал в горах и знаком не понаслышке с разреженным воздухом высот. Упрямо хмыкнув, он продолжил путь и через метров сто, запыхавшись, вынужден был снова передохнуть.

— Вот же черт, — произнес он вслух. Не хватало только сердечного приступа в этой глуши.

Он упорно продолжал подъем: дорога теперь пошла резко вверх. Еще через пять минут он почувствовал, как усталость его достигла предела; ему казалось, что, несмотря на тяжелое и частое

дыханье, в легкие почти не поступает воздух; ноги налились свинцом, перед глазами плясали блестящие мушки.

Еще несколько шагов — и все вдруг прошло, как рукой сняло.

Не удивляясь более, Андрей продолжал идти и буквально через минуту понял, что достиг вершины холма. За нею дорога резко уходила вправо, оставляя слева все те же бескрайние поля.

Прямо перед ним, буквально метрах в двадцати, подсвеченное несколькими тусклыми фонарями, располагалось приземистое двухэтажное здание с огромными окнами, занимающими почти весь фасад. На парапете, отделяющем первый этаж от второго, расположились черные в неверном свете фонарей буквы, складывающиеся в слово «АВ...ОВОКЗАЛ». Буква «Т» трупом лежала на асфальте перед полуоткрытыми входными дверьми, за которыми угадывался истерически ярко освещенный зал ожидания.

Широкий паркинг перед зданием был абсолютно пуст. Дорожное полотно разветвлялось и опоясывало автовокзал; справа дорога оканчивалась еще одним паркингом, на котором скрытые полутьмой были расположены в ряд немногочисленные бочкообразные древние автобусы. Слева шоссе немного сужалось и упиралось в перпендикулярно идущую дорогу, по

обе стороны которой стояли темные, неосвещенные пятиэтажки в окружении сбросивших листву деревьев.

Андрей замер, не веря своим глазам. Он просто не мог не заметить крыш домов, света фонарей, сухих деревьев, многие из которых росли вровень с пятиэтажками.

Но он их не видел. Он не видел ровным счетом ничего, кроме шоссе, что, казалось, уходило прямо в небо, все то время, что он карабкался на пригорок. Он оглянулся, подсознательно ожидая увидеть крутой склон, — это послужило бы пусть и ненадежным, но все же — объяснением.

Дорога за его спиной полого уходила вниз. По всем законам оптики и здравого смысла он должен был заметить и автовокзал, и город еще несколько минут тому. Складывалось впечатление, что они были сотканы из теней в тот момент, когда он оказался наверху склона, запыхавшись так, словно проделал многочасовой путь в верхогорье.

Что за чертовщина? Он с трудом подавил желание протереть глаза, понимая, что город и автовокзал — вот они(!) — настолько материальны, насколько материальным может быть камень и бетон. Их реальность не вызывала сомнений, и все же он был уверен, он готов был поклясться, что минуту назад на их месте была лишь...тьма.

Город, открывшийся ему, оказался весьма

странным. Не было видно положенных любому населенному пункту предместий, пригородных строений, автозаправок, СТО, чертовых стихийных рынков, в конце концов. Здания начинались сразу за автовокзалом, черными монолитами бросая вызов логике. Не было слышно звуков, сопровождающих жизнь человеческого муравейника: автомобильных моторов, шуршащих по асфальту шин, резких и требовательных клаксонов; далеких человеческих голосов; тихого и практически незаметного гудения, обозначающего бег электрического тока по проводам, — непреложных признаков жизни. Город стоял черный и мертвый. И черные мертвые деревья о чем-то просили у неба, вздымая руки-ветви навстречу небесной тьме.

Окруженный давящей тишиной и темнотой, он почувствовал сильное желание как можно быстрее зайти внутрь, благо зал ожидания был освещен. Уж коль там горит свет, то должны быть и люди. В конце концов, ночь только-только вступала в свои права — далеко на горизонте он все еще видел тонкую светло-серую полосу.

Андрей поспешил к зданию. Подойдя поближе, замедлил шаги и не без интереса посмотрел на стоянку автобусов по правую сторону от себя. Даже на сравнительно небольшом расстоянии ему сложно было разглядеть детали,

однако он внезапно преисполнился уверенности, что несколько стоящих в ряд авто скорее находятся на вечном приколе, нежели пригодны для путешествия. Он сделал еще несколько шагов вперед и озадаченно присвистнул.

Ближайший к нему автобус, еле-еле освещенный фонарем, проржавел до дыр. Кое-где в рваные, напоминающие следы от пулеметной очереди отверстия, можно было с легкостью просунуть руку. Все без исключения стекла были выбиты. Крышка капота была вырвана с корнем и валялась неподалеку. Внутренности мотора напоминали клубок мертвых червей, застывших в причудливом танце смерти. Обе фары были разбиты — автобус слепо таращился на Андрея почти с человеческим выражением недоумения и обиды, навеки застывшим в ржавом металле.

Двери были открыты... Не просто открыты, но варварским образом выломаны и висели, чуть покачиваясь на полусгнивших креплениях.

Колеса многострадальной машины почти вросли в землю — резина расплавилась и растеклась вокруг дисков.

Андрей испытал сложную гамму чувств: недоумение, страх и... несомненно, любопытство. Ему захотелось проинспектировать салон изуродованного авто, и он с трудом сдержался, прекрасно отдавая себе отчет в том, что ничего

существенно нового не увидит.

Прочие автобусы угадывались в тенях, но отчего-то он был уверен, что их состояние так же плачевно.

Андрей попятился и, споткнувшись о какую-то металлическую болванку, полускрытую в сухой траве, чуть не упал. Чудом сохранив равновесие, повернулся кругом и быстрым шагом проследовал к входу в здание.

Подойдя вплотную, он отчего-то остановился. За стеклянными дверями открывался вид на большой, хорошо освещенный зал с несколькими рядами красных пластиковых кресел. На одном из них, находящемся неподалеку от входа, лежало что-то, напоминающее меховую шапку.

Отбросив сомнения, он зашел внутрь.

Его шаги отразились от стен неожиданно гулким эхом. То, что он принял за шапку, оказалось облезлым серым котом, недоуменно приоткрывшим один глаз и уставившимся на Андрея с той оскорбительной надменностью, на которую способны только коты. Уверившись в том, что пришелец безобиден, кот потерял к Андрею всяческий интерес и мгновенно заснул, положив голову под лапу и снова обретя сходство с чьей-то забытой старой шапкой.

Андрей огляделся. По краям зала располагались стеклянные витрины касс, ларьков,

торгующих газетами и журналами; он также заметил одно аптечное окошко и одну броскую вывеску над наглухо забранным роletами проемом: «Великолепная выпечка Аси!» Все без исключения магазинчики и ларьки были закрыты. Кассы, казалось, тоже не работали, во всяком случае, он не увидел ни одного сотрудника за стеклянными витринами.

На стенах кое-где висели выцветшие рекламные плакаты. Большая часть надписей и рисунков стерлась, придавая плакатам импрессионистский оттенок, однако один из них сохранился почти полностью. На нем была изображена румяная женщина, окруженная столь же румяными детьми с большими круглыми головами. Дети хохотали и приплясывали.

В правой поднятой вверх руке женщина победно сжимала бумажный пакет, на котором развеселой палитрой было выведено: «Молочный рай». В левой, опущенной вниз и не столь акцентированной художником, был черный хлыст.

В зале за исключением спящего кота не было ни одной живой души.

В одном из углов Андрей заметил допотопного вида телефон-автомат. Он подошел, огибая кресла и озадаченно остановился, не веря своим глазам.

Кто-то намеренно обрезал провод на трубке.

Она так и висела на рычаге, но теперь была совершенно бесполезна.

Андрей не придумал ничего лучшего, кроме как подойти к близлежащей кассе — окошко было открыто. Более того, на стекле красовалась выполненная когда-то золотой (а теперь частично облупившейся) краской надпись: «Работаем круглосуточно».

За стеклом находился стол, поверхность которого была полностью завалена пухлыми папками. Поверх одной из них валялся древний калькулятор «Электроника», шнур от которого тянулся к розетке. Подле примостился дисковый телефон неопределенного цвета, трубка была снята и лежала рядом, но Андрей не услышал гудка. Возможно, аппарат был отключен.

Многообещающим показалось ему наличие дымящейся чашки с темно-коричневым содержимым. Очевидно, кассир отошел по надобности и скоро вернется. От нечего делать он облокотился о стойку и принялся разглядывать вывески закрытых ларьков.

Метрах в двадцати от него находилась простая белая дверь, над которой зеленым светилось: «Туалет». Должно быть, именно туда и направился кассир.

Андрей и сам ощутил непреодолимое желание посетить вышеуказанное заведение. Только

подумав об этом, он почувствовал сильное давление в мочевом пузыре и более не раздумывая, отправился в сторону уборной.

Он уже почти что подошел к двери, как она начала открываться.

«Ага! — подумал Андрей, — вот он, мой спаситель!» Вся эта чепуха зашла слишком далеко. Он устал и нуждался в помощи. Несомненно, в городе есть больница... Впрочем, к черту больницу — он закажет такси и уедет отсюда к чертовой бабушке. Благо, денег...

Дверь открылась еще шире... и снова захлопнулась, подобно челюсти человека, что внезапно передумал зевать. В недоумении Андрей сделал еще несколько шагов вперед и замер.

Дверь распахнулась настежь.

В проходе, покачиваясь на одном месте, стоял изможденный старик, одетый лишь в пару белых, не по размеру, трусов, сплошь в желто-коричневых пятнах. Непропорционально тонкие ноги-палочки дрожали под весом тучного тела. Вялый живот висел морщинистым полуспущенным шаром из плоти, рыхлые бока воском стекали на бедра. Груды старика, непристойно напоминающие отвисшие иссушенные молочные железы африканских женщин на фотографиях в журнале «Вокруг Света», двумя пустыми мешочками лежали на животе.

Огромная голова еле держалась на тонкой

шее.

Полутень скрывала лицо старика. Однако смутные в неверном свете черты наполнили его отвращением. Ему показалось, что у старика невероятно огромный нос, наплывающий на широкий полуоткрытый рот.

Глаза мужчины были широко открыты и смотрели прямо на Андрея. При этом он не двигался с места — мелко дрожа всем телом и то и дело раздувая ноздри — принюхивался.

Андрей замер. В голом старике не было ничего угрожающего или пугающего. Однако в целом нелепая фигура в дверном проеме внушала ужас и отвращение.

Старик, словно услышав его мысли, шагнул вперед и издал тихое жалобное бляенье, эхом разнесшееся по залу. Сделал еще один шаг, с трудом переставляя тонкие ноги, и замер, вытянув руки перед собой в умоляющем жесте.

— *Он вас не видит* , — прошептал кто-то на ухо Андрею.

Андрей чуть не вскрикнул от неожиданности — шепот испугал его едва ли не более чем все сегодняшние события вместе взятые. Взяв себя в руки, он медленно повернулся и увидел пожилого мужчину в очках, с аккуратной профессорской бородкой и седоватыми усиками. Незнакомец был одет в черное допотопного фасона пальто,

расстегнутое на груди. На голове его красовалась меховая шапка, изготовленная, похоже, еще во времена суровой советской оттепели.

Поправив очки учительским жестом, мужчина улыбнулся и поднял руки вверх ладонями вперед, подкрепляя исключительно мирный характер своих действий.

— Я вам не враг, — тихо сказал он, — но нам следует идти. Буду вам признателен, если вы все же проследуете за мной.

— А... — Андрей указал пальцем в сторону старика, но мужчина прервал его, нетерпеливо замахав руками:

— Это вас совершенно не касается, — в его голосе прорезались нотки раздражения. — ... Пойдемте. Автовокзал закрыт на ночь, видите ли.

И протянув руку, ухватился за рукав куртки, вежливо, но настойчиво потянув.

Не имея ни сил, ни желания сопротивляться, Андрей последовал за мужчиной к маленькой неприметной двери с трафаретной надписью: «Пожарный выход». Незнакомец открыл дверь и спустя мгновение они оказались на улице позади вокзала.

Небольшой паркинг был абсолютно пуст, если не считать выдавшего вида красного «Москвича», припаркованного прямо возле двери. Мужчина засеменял к машине, отпер дверь и с недоумением

посмотрел на Андрея.

— Ну, что же вы не садитесь?

Андрей в полной растерянности пожал плечами:

— Я... пешком до гостиницы... — пролепетал он.

— И речи быть не может, — нетерпеливо прервал его мужчина, — отель при автостанции ночью закрыт, а ехать через весь город к железнодорожному вокзалу... помилуйте, кто же вас туда повезет?

— Быть может, я мог бы воспользоваться вашим мобильным телефоном и вызвать такси? — неуверенно пробормотал Андрей.

Мужчина нервно улыбнулся:

— Здесь... не ловит, — произнес он ставшую уже сакраментальной фразу, старательно отводя глаза в сторону, — тут нигде не ловит. Послушайте, я не маньяк, не вор и не убийца, если вы опасаетесь, — он говорил быстро, то и дело прислушиваясь к чему-то, — но нам действительно нужно идти. Если вы хотите остаться здесь, ваше право, я вас не неволю, но... — он вздрогнул в ответ на тихий звук, раздавшийся из-за двери, — но, поверьте мне, у нас ночами... беспокойно... Я мог бы предложить вам остановиться у меня... на одну ночь только, а завтра с утра вы можете идти куда вам заблагорассудится. Я живу один в

большом доме, мне... меня не потесните вы нисколько...

Его сбивчивый монолог был прерван осторожным *поскребыванием*, раздавшимся из-за двери. Мужчина тотчас же сел в машину и повернул ключ в зажигании. Старенький двигатель нехотя завелся со второго раза.

— Едете?

Андрей оглянулся на дверь, и ему показалось, что кто-то пытается повернуть ручку изнутри. Не раздумывая более, он сел в машину. Мужчина тотчас же резко подал назад, не дожидаясь, пока он захлопнет дверь, и, развернувшись, вдавил педаль газа в пол, резво переключая скорости. Мотор взревел, закашлял, но машина уверенно ринулась вперед, набирая скорость.

5

Некоторое время они ехали в полной темноте и плотной тишине, нарушаемой только кашляющим мотором. Через несколько минут, словно опомнившись, незнакомец включил фары и тусклый желтый свет залил дорогу прямо перед ними, погружая окрестности в еще более непроглядный мрак.

Они неслись по пустынным улицам. Как ни старался Андрей разглядеть хоть что-нибудь в

угольной темноте, окружающей их, ему оставалось только догадываться про смутные силуэты мертвых пятиэтажек. Изредка фары подсвечивали чей-то автомобиль, брошенный у обочины. Однажды Андрею показалось, что у дороги кто-то стоит, но он не понял, был ли это человек или дерево, принявшее в темноте обличье человека.

Ехали молча. Отчего-то ему не хотелось нарушать это почти мистическое молчание — словно любые вопросы были неуместны. Несмотря на нервное возбуждение, монотонная езда по сравнительно хорошему асфальту, даже рев и кашель мотора действовали на него убаюкивающе. Он чувствовал, как слипаются глаза, и постепенно проваливался в вязкую дремоту.

А и пусть. В конце концов, что может произойти? Таинственный благодетель окажется каннибалом и выпотрошит его как рождественского гуся? Или, быть может, отвезет его в логово беспринципных гомосексуалистов-вырожденцев из открытого космоса? Он даже усмехнулся этой неожиданной мысли. Пожалуй, его воображение работает куда лучше памяти.

Да и что такого страшного произошло? Сумасшедший голый старик на автовокзале? Автобусы со спущенными шинами? Спящие дома вокруг? Все это не имеет никакого значения и не стоит внимания. Он устал, болен и голоден. Нужно

отдохнуть и поспать, а завтра... завтра наступит утро и, быть может, он вспомнит чуть больше. Найдет возможность позвонить и уедет отсюда. Вот и весь сказ.

«Надо будет заплатить мужику, — четко произнес кто-то в его голове, — за услуги... за ночлег. Может, у него найдется какой перекус...»

После чего Андрей все же заснул, поддавшись дурманящему зову усталости, и почти сразу открыл глаза, не понимая, что его разбудило.

Они остановились. Тихо щелкал остывающий двигатель. Его спутник неподвижно сидел в темноте салона, расслабленно положив руки на руль. Заметив взгляд Андрея, он повернул голову и широко, искренне улыбнулся.

— Мы на месте, — он указал в сторону темного, безмолвного двухэтажного дома прямо перед ними, — я все ждал, когда же вы проснетесь.

— Вы... могли бы разбудить меня, — спросонья просипел Андрей.

— В некотором роде, я вас разбудил. Выключил двигатель, вы и проснулись. А мне и самому приятно было посидеть здесь, подумать. Ночь так прекрасна, вы не находите? Порой у нас не хватает времени оценить всю ту красоту, что окружает нас. Да... — он запнулся, — ... вечно не хватает времени...

Пойдемте же. Или... — он помедлил и плавно

перейдя в шутливую тональность продолжил: — или вы предпочитаете спать в машине? Мало ли, в наше время никому нельзя верить, в особенности таким зловещим старикам, как я. — И он карикатурно оскалился.

В темноте салона шутка прозвучала весьма двусмысленно — морщинистое лицо, полускрытое тенями, действительно выглядело жутковато.

— Да, конечно, — опомнился Андрей, — я очень благодарен вам. Меня сегодня... — он смешался и продолжил с полуулыбкой, — ...все подвозят...

Мужчина бросил на него быстрый взгляд, будто хотел спросить его о чем-то, но передумал и вместо этого произнес:

— Поверьте, мне это не сложно. Я — одинок и я стар. Остается помогать людям.

Они вышли из машины. Разминая затекшие ноги, Андрей с интересом присматривался к особняку.

Дом был построен из дерева и, похоже, уже не один год как нуждался в капитальном ремонте. Темнота скрадывала детали, однако сам фасад выглядел покосившимся, будто когда-то давно особняк хватил паралич, от которого он так полностью и не оправился.

— Развалюха... Да и земля под домом... Она... — старик задумался на секунду, — ...вязкая.

Но я неприхотлив. К тому же, собственный дом, знаете ли, пусть даже и в нашем городе... Впрочем, вы устали. Пойдемте внутрь. Поговорим обо всем утром.

Он поднялся по шатким деревянным ступеням на крыльцо, отпер простую железную дверь, и они вошли в прихожую.

Узкий, длинный коридор, слабо освещенный электрической лампочкой без абажура, был заставлен разнообразной ветхой мебелью. Прямо у входа к стене была прибита металлическая сетка-вешалка, полностью заваленная всевозможной одеждой. Венчал громоздкую гору натуральный тулуп.

Чуть поодаль, справа, как раз напротив кривой раздвижной двери, ведущей, должно быть, в туалет, находился книжный шкаф — полки возвышались чуть ли не до растрескавшегося потолка и ломились книгами, как холодильник рачительного хозяина — едой. Андрей огляделся в поисках зеркала — почему-то в этом коридоре уместным показалось ему наличие трехстворчатого трюмо, но вместо искомого наткнулся взглядом на ржавую птичью клетку, покачивающуюся под потолком. Клетка была пуста.

В конце коридора вверх уходила почерневшая от времени деревянная лестница на второй этаж.

— Ну вот, вот так, — незнакомец протиснулся

мимо Андрея и, наклонившись над низким шкафчиком, побряхтев, извлек из его недр пару тапочек. — Можете не снимать обувь, — невпопад сказал он, но все же оставил тапочки у ног Андрея.

— Я...

— Ну вот что. Снимайте куртку, мойте руки... Правда, горячей воды нет, — мужчина всплеснул руками, — а потом — на кухню. Будем пить чай.

Андрей вымученно улыбнулся. Несмотря на все удивительные и пугающие события, которыми был наполнен день, более всего ему хотелось спать. Желание получить ответы на многочисленные вопросы отступило на задний план перед тяжелым грузом усталости, свинцом опустившимся на плечи. Видимо, он все еще страдал от последствий... чего ему там подмешали?.. Да и после всего пережитого — не мудрено.

Будто угадав его мысли, мужчина сказал:

— Что же это я! Вы, должно быть, только и хотите, что спать. Идите... моя спальня на втором этаже, а вы... Вы вполне можете в гостиной... Я ее оборудовал под мастерскую, хобби, знаете ли, но там есть диван. — Он засуетился и поспешил в сторону двери, однако, не пройдя и нескольких шагов, остановился, спохватившись, и вдруг протянул руку.

— Меня зовут Кольцов. Юрий Владимирович Кольцов. В прошлом — физик-теоретик.

Преподавал. Нынче пенсионер. Занимаюсь всяческой ерундой, полагающейся пенсионерам. Мы так и не познакомились...

Андрей охотно пожал протянутую руку.

— Андрей! — представился он. — Юрий Владимирович, я еще раз хочу...

— Да что вы благодарите меня все, не стоит! Ложитесь спать, Андрей. Я рад с вами познакомиться. А хотите, отужинаем? У меня есть котлеты и пюре, может и коньячок найду из старых преподавательских, а? — он подмигнул.

Еще полчаса тому Андрей согласился бы, но сейчас он не чувствовал под собой ног. Коридор зыбко покачивался перед глазами. К удивлению своему, он не хотел больше ни пить ни есть, хотя и понимал, что организм обезвожен и ему следует... А, к дьяволу. Нужно выспаться, а там — будь что будет.

— Я бы поспал, — честно признался он и широко зевнул.

— Ну вот и славно. А захотите перекусить, смело идите к холодильнику и ешьте все, что найдете. У нас не голодные 30-е, в конце концов. — Кольцов открыл дверь и сделал приглашающий жест.

— Я только... — Андрей указал в сторону туалета.

— Ах, да, конечно же. Идите, а я пока

постелю.

И поспешил внутрь.

Андрей зашел в туалет, нашарил выключатель и зажег свет. В крошечной каморке с отваливающимся кафелем мирно уживались древний унитаз с бачком, расположенным под потолком; умывальник, заставленный тюбиками с зубной пастой, какими-то неправдоподобно древними советскими кремами и зубной щеткой, уютно расположившейся в граненом стакане, выглядевшей как если бы ею пользовался еще Владимир Ильич до того, как стал вождем революции; и желтоватая чугунная ванна на ножках. В ванной, на деревянном основании стоял пластиковый чан, в котором Андрей, к стыду своему, не сразу признал допотопную стиральную машинку.

В углу примостилась швабра с намотанной на нее ветошью. Возле стояло зеленое ведро.

На стене над умывальником белело прямоугольное пятно. Не сразу, но он догадался, что здесь раньше находилось зеркало.

Он хмыкнул, слишком уставший, чтобы удивляться.

Выйдя из туалета, он почти столкнулся с Кольцовым, который нес в его комнату тарелку, прикрытую салфеткой.

— А мало ли что? — звонко воскликнул

он, — вдруг решите перекусить котлеткой, и ходить не нужно будет!

Андрей улыбнулся и пошел следом.

Остановившись на пороге, он присвистнул от удивления.

Дверь располагалась прямо напротив окна, заставленного вазонами. Непосредственно рядом с окном находился кривенький полированный шкаф с полуоткрытыми дверцами. Возле шкафа прислонился к стене хорошо потрепанный разложенный диван, застеленный бельем в крупных маках.

Напротив дивана на приземистой трехногой тумбочке примостился пузатый черно-белый телевизор. На нем, прямо на плетеной салфетке, стояла двурогая антенна и маленькая кокетливая ваза, в которой скучала одинокая ветка лунника.

Все прочее пространство комнаты занимали птичьи клетки. Их было так много, что противоположный от дивана угол был попросту завален почти до потолка. Клетки были совершенно одинаковые и выглядели обыкновенным хламом. Он с трудом мог предположить, что кто-то действительно может помыслить о том, чтобы купить такой самопал.

— Вот, собственно, — развел руками Кольцов и аккуратно поставил тарелку на телевизор. — Как говорится, мой дом — это ваш дом, и я прошу вас

отнестись к этому заявлению вполне серьезно.

— Спасибо, Юрий Владимирович.

Кольцов кивнул и направился было к двери, но остановился на полпути.

— Андрей... — как бы нехотя протянул он, — я... словом, на ночь, я запираю двери... здесь порой бывает беспокойно, поэтому, я буду вам весьма благодарен, если вы... не будете выходить на улицу до рассвета.

— Я и не собирался, — обескураженно пробормотал Андрей. Нелепая фраза Кольцова, сама по себе незначительная, рыболовным крючком зацепила некий полусформировавшийся вопрос в его голове и потянула за собой. Он задумчиво потер лоб. Было кое-что... Кое-что, едва ли не более важное, чем все прочее, произошедшее с ним за сегодняшний день. Что-то... не давало ему покоя.

— Юрий Владимирович...

Старик, уже почти скрывшийся за дверью, снова остановился.

— Да, Андрей? Чайку? — в его голосе звучала неподдельная забота.

— Не, спасибо... Я вот спросить хотел...

— Все вопросы завтра, завтра, — засуетился Кольцов, — вам нужно отдыхать, да и мне пора уж...

— Да, я понимаю, но... Как вы узнали, что я... словом, как вы оказались у автовокзала?

— Ах, это! — Кольцов улыбнулся простой располагающей улыбкой. — Тут все просто. Мне не спится порой. Вот и езжу по городу туда-сюда. Вечерами здесь почти нет движения, дороги пусты. Проезжал мимо, услышал шум. Дай, думаю, загляну. Встретил вас. Тут, собственно, и рассказывать нечего. И все, не спорьте даже. У вас глаза слипаются — вы засыпаете на ходу! Спокойной ночи! — он резко повернулся и спешно вышел, притворив за собой дверь.

Андрей медленно разделся, ощущая себя будто бы под водой. Ему действительно необходимо было поспать.

Окинув взглядом комнату, он не сразу нашел выключатель, находившийся на уровне его головы у груды птичьих клеток.

Выключил свет и тотчас же почувствовал, как тьма и усталость, объединив усилия, тянут его вниз. На ощупь он добрался до дивана, плюхнулся под его жалобный скрип и, по достоинству оценив крепость вонзившихся в тело пружин, наконец закрыл глаза.

Он попытался проанализировать все безумства прошедшего дня, но обнаружил, что рациональное мышление ему недоступно. Организм упрямо отключал сознание.

Завтра... Завтра утром... Завтра утром...

Но все же, почему он там оказался? Прямо у

пожарного выхода. Почему он?..

Исчезли все звуки. Потом и он исчез, провалившись в бездну сна.

Интерлюдия 1

Сначала была тьма.

Во тьме родились белые всполохи. Свет, яркий свет солнечного дня постепенно наполнил вселенную.

И он увидел сон.

Это был очень странный сон, в котором ему была отведена роль зрителя. Так, будто он в самом центре фильма, поставленного специально для него, однако может лишь наблюдать, не принимая участия в происходящих событиях.

Андрей находился во дворе уютного двухэтажного коттеджа рядом с сверкающей лаком «Ауди». Ну конечно, ведь это его машина. Он протянул руку, чтобы прикоснуться к ней, но не смог. Он не увидел и руки, хотя чувствовал свое тело. Ему была отведена роль невидимки. Как это часто бывает во сне, он принял эту роль безропотно.

Дверь коттеджа открылась, и показался высокий мужчина, одетый в легкие льняные шорты и простую белую футболку. В правой руке он держал тяжелый, судя по виду, чемодан.

Андрей попытался разглядеть черты лица незнакомца, но они были смазаны и постоянно расплывались. Он вынужден был отвернуться, почувствовав приступ головокружения.

Но ведь он видит во сне себя, и память, чертова память, не позволяет ему рассмотреть свои же черты. Он не удивился возможности здраво размышлять, а напротив, обрадовавшись, решил, что ему не помешает досмотреть сон до конца.

Мужчина подошел к машине, открыл багажник и не без труда поместил чемодан внутрь.

Раздался топот, и на веранду выскочил мальчишка лет восьми. Белокурый, с голубыми яркими глазами и румяными щеками, раскрасневшимися от бега. На нем была футболка, изображающая вечно несчастного Друппи, вяло размахивающего плакатом: «I am happy».

— Мы едем в Германию! — закричал он и принялся прыгать, высоко задирая ноги.

— В Финляндию, Юрка, в Финляндию, — ответил мужчина. Его голос показался Андрею незнакомым, но он не обратил на это внимания, пожирая глазами ребенка. У него есть сын! Сын!

— Ну-ка, Юрий Батькович, марш в машину! — весело скомандовал Андрей-без-лица.

— Я думал, ты скажешь: «Ну-ка, Юрий Батькович, приведи-ка сюда свою мать-копушку!» — ответил ребенок. И оба — отец и сын, залились

смехом.

— Кто это «копушка»? — на пороге коттеджа появилась молодая красивая женщина, одетая в короткие шорты и свободного кроя блузку. Ее светлые волосы были заплетены в толстую косу. В руке она, как и ее муж, Андрей-без-лица, держала большой чемодан, — а кто хочет получить ремня, да по заднице?

Оба энергично-шутливо замотали головами.

— Уж точно не мы, — сказал мужчина. Аленка, давай быстрее. Чем раньше выедем, тем меньше пробок на трассе. Ты же не хочешь застрять? Солнце вон как припекает!

— Кто спешит, тот людей смешит, — ответила женщина, и теперь засмеялись все, включая Андрея-тень.

Он, не отрываясь, смотрел на нее. Его жена. Алена. Имя ничего не пробудило в нем, но он видел свою жену и своего сына.

Они были прекрасны.

— Стой, пап! — заверещал внезапно Юрка Батькович.

— Что такое?

— Рюкзак забыл! — и не дожидаясь дальнейших указаний, ребенок помчался в коттедж и через минуту вернулся с небольшим рюкзачком за спиной.

— А планшет ты не забыл? — шутливо

нахмурился отец.

— Не, — мальчишка похлопал по рюкзачку, — все при мне!

— Ну... — Андрей-без-лица подошел к садовой скамье и, присев на нее, жестом подозвал жену и сына. Они присели рядышком.

— С Богом! — произнес мужчина негромко.

— А ну-ка, экипаж, в космолет шагом марш!

— Есть, капитан! — хором ответили женщина и ребенок. Алена ухватилась за ручку двери и внезапно расхохоталась. В это же мгновение Андрей-тень понял, что им нельзя, ни в коем случае нельзя ехать! Не задумываясь, он закричал, и несмотря на то, что он прекрасно услышал свой голос, никто на него не отреагировал. В этом фильме ему досталась роль бесправного зрителя.

— Что случилось? — спросил мужчина.

— Ну как... В Финляндию едем, а дом на сигнализацию поставить забыла. Ты хоть дверь-то захлопнул, куренок? — она потрепала Юрку по голове.

— Я ничего не забываю, — важно ответил ребенок и полез в машину (Не садись, не садись! — вопил Андрей-немая тень).

— А я вот старый маразматик, — Алена достала из кармана маленький пульт и нажала на него. Дом отозвался тонкой мелодичной трелью.

— Ну вот, теперь все в порядке! — женщина

кивнула и села в машину.

Все было не в порядке. Что-то должно было случиться. Что-то плохое должно было случиться, что-то...

Кованые ворота плавно поползли в сторону, и «Ауди» мягко и почти бесшумно тронулась с места.

Андрей-немая тень побежал было следом, но внезапно оказался внутри двора, за закрытыми наглухо воротами.

Он явственно видел, как по ковке, на уровне его глаз, ползет ярко-зеленый жук. Медленно и целеустремленно насекомое двигалось вперед, не обращая внимания или просто не осознавая того, что его путь постоянно меняется в зависимости от орнамента железных элементов, и вот, уже сделав полный круг, он оказался там же, где и был минуту... или вечность тому.

Окружающий мир стал меркнуть, таять и оплывать, подобно свечному огарку. В последний раз вспыхнул солнечный свет, и стало темно.

В угольной черноте, где-то в двух шагах, а быть может на расстоянии нескольких световых лет, жалобно завывала собака.

Потом все стихло.

Он почувствовал, как пустота засасывает его. Попытался уцепиться за что-то — но вокруг было ничто. Попробовал закричать, но из его сдавленного ужасом горла не пробилося ни звука.

Попробовал вздохнуть — и ощутил вкус бензина на губах.

Миг — и ничто поглотило его.

Глава 3

1

Он проснулся, задыхаясь.

Немного успокоившись, Андрей не без труда сполз с продавленного дивана. Он чувствовал себя так, будто вчера весь день беспробудно пил. Голова гудела и казалась огромной, болели глаза, во рту ощущался омерзительный сухой привкус. Сглотнув, он снова закашлялся.

Комнату заливал тусклый серый свет, льющийся из окна. В его лучах вяло плясали пылинки. Многочисленные птичьи клетки, сваленные в углу, были покрыты толстым слоем пыли — должно быть, вечность прошла, с тех пор как комнату убирали. Повсюду на давным-давно потерявшем лаковое покрытие паркете легкий сквозняк гонял клубки пыли, крошечные перекаати-поле летали над поверхностью паркетной пустыни.

Он огляделся и, стараясь не делать резких движений, поднял с пола небрежно брошенную

одежду, кое-как натянул ее на себя и снова сел на диван, ощущая ровную тяжелую пульсацию в висках — предвестник мигрени.

Закрыв глаза, он как наяву увидел перед собой лица мальчика и женщины из недавнего кошмара — его жены и ребенка. Постарался зацепиться за их черты и раскрутить ниточку воспоминаний, но память предательски молчала.

Лицо мужчины, **его лицо** , продолжало оставаться расплывчатым пятном.

Осознав, что он ничего не добьется, Андрей энергично потер виски и поднялся было, но внезапно вспомнил о кошельке. Черт! Как можно быть таким наивным?! Довериться совершенно незнакомому человеку! Где же... — он пошарил по карманам и, не обнаружив искомого, в сердцах ударил кулаком по бедру.

Он оставил кошелек в коридоре! Или потерял по дороге. Что, в принципе, одно и то же. Судя по обстановке, Кольцов жил небогато и вполне мог соблазниться увесистой пачкой купюр.

Он вскочил с дивана и, в два шага преодолев расстояние до двери, открыл ее и почти побежал к куртке, что все так же висела на груде одежды перед входной дверью.

Кошелек оказался на месте, во внутреннем кармане.

Андрей тут же устыдился своих эмоций.

— Вот оно! Негодяй презлым отплатил за предобрейшее! — пробормотал он и тотчас же вспомнил фильм, являющийся источником этой цитаты. Более того, не только фильм, а и то, что как-то раз под эту комедию он премило совратил свою однокурсницу Марину, и они, забыв обо всем, трахались как кролики в ее однокомнатной квартирке, и потом... Воспоминания исчезли столь же внезапно, как и появились.

Горестно вздохнув, Андрей спрятал кошелек в задний карман джинсов и поплелся на кухню, ощущая, как тяжело дается каждый шаг.

Крошечная темная кухонька вполне отвечала духу Кольцовского обиталища. Большую часть пространства занимал древний холодильник «ЗИЛ», грозно взрыкнувший, стоило Андрею переступить порог. На противоположной стене висела столь же почтенная газовая колонка, вся в черных пятнах отколовшейся эмали. Возле нее находилась плита, на которой стояла тяжелая чугунная сковорода, прикрытая металлической крышкой. На сковородке лежал лист бумаги.

Андрей, едва не споткнувшись о круглый маленький стол, заваленный стопками пожелтевших газет, не задумываясь, направился к плите и поднял листок. На нем крупным аккуратным почерком было написано:

«Уважаемый Андрей,

К сожалению, я не смог дождаться вашего пробуждения. Мне срочно потребовалось уйти. Посему мое холостяцкое обиталище полностью в вашем распоряжении. Под крышкой сковороды — творожники. Почту за честь, если вы съедите их все. Сметана в холодильнике, вилки — в верхнем ящике стола. Если вам будет угодно освежиться, милости просим, однако, следует принимать во внимание тот факт, что горячую воду отключили вот уже с две недели как, а колонка не работает. За что приношу свои глубочайшие извинения.

Я буду поздно, посему, буде вы решите уехать, прошу хорошенько захлопнуть дверь за собой.

Мне было очень приятно с вами познакомиться. Не благодарите меня ни при каких обстоятельствах — как говорят англичане: *the pleasure is mine*.

С уважением,

Ю.В.

Ниже тем же круглым почерком:

Мы все-пальцы одной руки».

2

Андрей с недоумением уставился на записку и зачем-то перечитал ее еще раз. Ему стало еще более стыдно за недавно проявленное недоверие к старику. Ведь он мог запросто его обобрать. Вместо этого Кольцов оставил совершенно незнакомого

человека наедине с домом, позволив ему, по желанию, вынести все ценное... Впрочем, чу... Он огляделся и улыбнулся собственным мыслям: вряд ли во всем доме найдется что-либо ценное. Разве что он решит вынести неработающую колонку или потырить птичьи клетки.

Приподняв крышку сковороды, Андрей действительно увидел несколько пухлых творожников, от которых исходил манящий запах. Его рот мгновенно наполнился слюной. Не раздумывая более, он взял один творожник пальцами и съел его в два счета, только сейчас вспомнив, что на протяжении по меньшей мере суток ничего толком не ел.

За первым творожником последовал и второй, а там и третий. Вскоре сковорода опустела, а желудок Андрея, напротив, приятно наполнился. Неожиданно для себя он рыгнул.

Рядом со сковородой стоял выдавший виды чайник. Андрей прикоснулся к нему пальцами и с удовольствием отметил, что он еще теплый, почти горячий. Подогревать что-либо на плите Кольцова ему показалось пожарно небезопасно.

Он наспех налил теплой воды в выщербленную чашку, выпил ее залпом и тотчас же налил снова. После, поставив чашку перед собой на стол, присел рядышком и, достав из кармана

кошелек, уставился на него, как на бомбу.

Все же, почему, черт возьми, он не может вспомнить своего собственного лица? И куда подевались все зеркала? Быть может, Кольцов — душевнобольной?

По всему выходило, что у него самого куда больше шансов быть душевнобольным, нежели у Кольцова. Андрей подумал о вчерашнем голом старике на автовокзале и невольно скривился. Кто знает, видел ли он что-то на самом деле или все это было порождением его одурманенного мозга.

Он открыл кошелек и, вытащив все содержимое, задумчиво уставился на разномастную горку. Задумчиво отделив деньги от прочего, он некоторое время разглядывал права. После оодвинул их в сторону и посвятил некоторое время инвентаризации разнообразных карточек и кредиток. Отложил платиновую «Visa», выданную на его имя, и такую же карточку, принадлежащую Алене Викторовне Сухаревой. Карточки, вне зависимости от количества денег на них, в настоящий момент были бесполезными — он не помнил паролей.

Отбросив за ненадобностью абонемент на посещение спортивного клуба «Секвойя» и читательский абонемент, выданный на предъявителя (удивительно, что в наш век электронных книг и доступного интернета кто-то

еще ходит в библиотеки), он задумчиво уставился на визитку. Свою визитку, изготовленную на дорогой, рифленой бумаге.

Строгим шрифтом на ней было написано:

Andrew Sukharev

Managing Director

Ниже следовали реквизиты.

В верхнем правом углу под незатейливой эмблемой, изображающей белого медведя, стоящего на задних лапах на льдине, значилось:

«ICEBERG GROUP»

Чуть ниже отпечатался знак качества Бюро Веритас.

Андрей повертел визитку и так и сяк, но она не вызвала в нем ни малейшего отклика. Однако, как ни крути, а это полезная штука. Адрес был указан ташлинский, как и прописка в регистрационном талоне, следовательно, его офис находился там же. По телефонам можно было позвонить. Уж коль он директор, надо полагать, кого-то за ним могут и прислать.

Вот только куда?

Он внезапно понял, что до сих пор не знает, где находится.

Что ж. Это подождет. Даже если у Кольцова нет телефона, что теперь представлялось ему вполне возможным, принимая во внимание все прочие несуразности этого места, он нынче же

отправится в ближайший магазин... да хоть на главпочтамт, и позвонит оттуда.

Он спешно пересчитал деньги и с удовлетворением отметил, что смерть от голода в ближайшее время ему не грозит — только суммы в отечественной валюте хватило бы на неделю безбедного проживания. Вдобавок, в кошельке было пятьсот евро и восемьсот с лишним долларов — более чем достаточно для возвращения домой. Бог знает сколько было на карточках.

Ему пришло в голову, что он может узнать пароль, связавшись с семьей. А с семьей он может связаться, узнав их телефоны в офисе. А в офис легко дозвониться...

Грохот, раздавшийся на втором этаже, заставил его подскочить на месте и рассыпать деньги по столу.

Он устремил глаза к потолку и увидел, как раскачивается немудреная лампа вместе с грязным абажуром.

Снова раздался грохот. Казалось, кто-то сверху с силой швыряет об пол тяжелые предметы.

Андрей быстро, насколько позволяли дрожащие руки, собрал все в кошелек и, не раздумывая, побежал по коридору к лестнице. Быть может, Кольцов не ушел — черт его знает? Быть может, его хватил инсульт наверху, и теперь...

Пробежав полпролета по скрипящей

деревянной лестнице, он внезапно остановился. Сердце отчаянно билось в груди.

А вдруг это не Кольцов?

Вдруг это вор?

Отбросив сомнения, он преодолел оставшееся расстояние в три прыжка...

...И оказался в длинном, узком, как кишка, коридоре, стены которого в выцветших, неопределяемого цвета обоях были увешаны черно-белыми фотографиями в рамках. В конце коридора находилась комната с распахнутой настежь дверью — судя по всему, спальня хозяина. Справа от нее находилась еще одна, запертая дверь, за которой и раздавался шум.

Стоило ему сделать шаг по гнилым доскам, как шум стих.

Андрей подошел к двери и увидел тяжелый засов с навесным замком. Кто бы ни находился внутри, он был заперт.

Он постучал. Никакого ответа. За дверью — напряженная тишина.

— Ау! — Андрей снова постучал, — есть кто живой?

Снова тишина. Только скрип досок под ногами и тиканье старых настенных часов за спиной.

— Послушайте! Меня зовут... Андрей, я гость, хм-м... Юрия Владимировича... У вас там

все в порядке? Я услышал... шум. Ау!

За дверью раздались влажные, тяжелые шлепки. После жалобно заскрипели половицы и воцарилась тишина.

Какой-то бред. Он еще раз постучал, понимая всю тщету своих усилий.

— Я... — он запнулся, — я могу вызвать помощь, если потребуется. Юрий Владимирович ушел... он будет поздно.

Тихий, едва слышный вздох.

Дьявольщина! А что, если Кольцов — маньяк и держит здесь свою очередную жертву? Что если у него... или у нее нет сил или, чего доброго, вырезан язык?

— Я выламываю дверь, — с вызовом заявил он, сильно сомневаясь, впрочем, в том, что у него хватит на это сил.

— Все... хорошо ... — тихо раздалось из-за двери.

Андрей остановился как вкопанный. Он и впрямь готов был выломать дверь или по крайней мере попытаться.

— Тут... замок! — с апломбом открывателя Америки возвестил он.

— Все... хорошо, — прошелестел голос. Женский голос. И следом:

— Уходите...

Ему хотелось сказать, что он приведет

помощь, но теперь весь героизм улетучился и он показался себе глупцом.

— Вы больны? — наконец, спросил он.

В ответ тишина и все тот же скрип половиц. Аудиенция была закончена.

Внезапно раздражение и злость волной накрыли его. Черт с вами со всеми! Черт с этим городом, с этим сердобольным самаритянином Кольцовым, с его сумасшедшей узницей, заточенной на втором этаже подобно жене Эдварда Рочестера². С проклятой амнезией и мигренью, отбивающей бравурные марши на барабанах висков. Он убирается отсюда немедленно!

— Я ухожу! — со злостью произнес Андрей, — если вам что-нибудь нужно, скажите сейчас! В противном случае, вам придется ждать возвращения Юрия Владимировича!

Он прислушался: как и следовало ожидать, таинственная пленница не посчитала нужным ответить. Что ж, тем хуже для нее.

Он поспешил прочь.

3

Выйдя на улицу, он огляделся, стараясь

---

² Герой романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр»

выбрать направление, и после недолгих раздумий пошел в правую сторону, вдоль совершенно пустой дороги. Кое-где вдоль бордюров попадались припаркованные машины, но они были настолько завалены сухой листвой, что создавалось впечатление, будто хозяева оставили их гнить давным-давно. Дома — однотипные серые пятиэтажки, мертво пялились на него черными глазами-окнами. Сухие голые деревья равномерно покачивались под легким осенним ветром. Улица казалась пустой, оставленной людьми.

Андрей все оглядывался не без любопытства, стараясь как-то сориентироваться, но чем дальше он шел, тем больше ему казалось, что он бродит по кругу. Вот желто-ржавый запорожец, припавший к земле на спущенных шинах, заваленный мусором и обросший грязью так сильно, что лишь глуповато оскалившийся радиатор между двух круглых слепых фар выдает в нем принадлежность к автопрому. Вот снова он или его брат-близнец. Единственным отличием является ворона, сидящая на крыше неподвижно как статуя.

Вот столб, сплошь заклеенный полустертymi объявлениями, а вот еще один, совершенно идентичный... и еще два.

Вот серое приземистое здание, судя по трубе, пальцем указующей в низкое небо, — котельная. А вот — снова она же, только в этот раз из трубы

лениво валят клубы белого дыма, что ветер рвет на куски, как вату.

Город стоял тихий и пустой. Он не видел ни человека, ни пробегающей мимо собаки, ни даже облезлой кошки. Лишь карканье ворон да скрип иссушенных осенью деревьев нарушали мертвую тишину.

Его не покидало какое-то потустороннее равнодушие, словно все происходящее является не более чем плодом его воображения. Подумав, он решил, что это чувство вызвано скорее всего недавней травмой. В конце концов, городок, судя по всему, маленький и люди вполне могут быть на работе. Или спать. Или... Он не стал развивать мысль, напомнив себе, что кто-то определенно работает, если принять во внимание дым над котельной.

Одноэтажное здание под шиферной крышей с надписью «Продтовары» показалось ему чуть ли не шедевром архитектуры на фоне однообразного пейзажа. Не задумываясь и не глядя по сторонам, он пересек дорогу и, подойдя к двери со стеклянной вставкой, увидел криво висящую с внутренней стороны табличку. На ней крупно детским почерком было написано: «Открыто».

Андрей толкнул дверь и вздрогнул, услышав, как где-то в глубине магазина звякнул колокольчик. Этот звук на фоне окружающей тишины показался

ему почти неприличным.

Внутри магазина было полутемно и пахло специями. Андрей не сразу узнал этот запах, но он вызвал шквал воспоминаний о детстве. Вот он, совсем еще карапуз, тайком от матери пробирается на кухню и, приоткрыв дверь духовки, подглядывает, как в наполненной жаром утробе ее зреет румяный пирог. А вот он, уже постарше, сам смешивает ингредиенты для маминого кекса, уникального семейного кекса, в который нужно класть столовую ложку соды — ни больше ни меньше...

Так пах ванилин. К этому уютному и такому домашнему запаху, впрочем, примешивался и другой, менее приятный флер — скорее, комбинация нескольких запахов, что смешиваясь с ванильным ароматом, вызывала легкое беспокойство.

Помещение было просторным и казалось пустым. Лишь неподалеку от входа сиротливо примостился прозрачный холодильник, обклеенный рекламой «Фанты». Судя по всему, холодильник не работал. Вдоль стены тянулся длинный прилавок, под которым за стеклом на полках было выложено несколько толстых бледных колбас, один зеленоватый круг сыра с восковыми синими цифрами, вплавленными в желтую оболочку, и белая пластиковая бадья, в которой мирно почивала

вечным сном огромная сельдь без головы.

За прилавком на немногочисленных полках стояли домики из разнообразных консервов. Справа в три ряда мутно поблескивали бутылки с пивом. Непосредственно под ними, на торце полки было написано «Хлеб». На самой полке впрочем, на белой тряпочке лежал молоток.

На стене, окрашенной бледно-голубой краской, висело объявление — листок бумаги, сплошь исписанный настолько мелким почерком, что Андрей не смог разглядеть ни слова.

Кто-то громко и нарочито кашлянул.

Он дернулся как ужаленный и, повернув голову в сторону служебного помещения, увидел, что за ним наблюдает тучная женщина в белом фартуке, с завитыми волосами. Заметив его взгляд, продавщица не шелохнулась, демонстрируя своей расслабленной позой совершеннейшее презрение ко всему происходящему. На лице ее, одутловатом и словно составленном из плохо подогнанных деталей, застыло выражение равнодушного любопытства. Так порой мы наблюдаем за нищими, что штурмуют мусорный ящик, огрызаясь друг на друга подобно крысам.

— Здравствуйте, — промямлил Андрей. Он внезапно понял, что ему хочется уйти из магазина, застывшего в смоле прошлого. Уйти не оглядываясь.

С трудом поборов иррациональное желание и не услышав ответа на свое приветствие, он продолжил:

— Меня зовут... — впрочем, какая ей, черт, разница, как его зовут? Он поменял тон и более уверенно спросил:

— У вас есть телефон? Я попал в... словом, был несчастный случай и...

— Не работает, — ожидаемо процедила продавщица, не меняя позы.

— Хорошо, хорошо... — складывалось впечатление, что в этом городе телефоны изжили себя как класс, — быть может, я мог бы воспользоваться вашим мобильным? — спросил он, ощущая *deja vu*.

— Все сломалось, — с каким-то плохо скрываемым злорадством заявила продавщица и вышла из тени и оцепенения. В полумраке магазина ее фартук оказался темно-серым и к тому же весь в черных пятнах.

— Будете покупать сельдь? Свежая. Вчерашний завоз, — продавщица бойко уперла руки в крутые бока и воинственно выпятила подбородок, на котором спелой земляникой выделялась коричневая бородавка.

Андрей посмотрел на нее удивленно. Действительно, почему бы не купить сельдь?

— Нет, — чуть более грубо, чем хотелось,

произнес он, — если у вас нет телефона, то быть может, вас не затруднит подсказать мне, откуда я мог бы позвонить? Или отправить электронное письмо? А лучше — и то и другое.

— Письмами занимается почта, — в голосе продавщицы теперь сквозили покровительственно-сюсюкающие нотки, словно она разговаривала с умственно отсталым. — Отсюда направо и в двух шагах, если они открыты. Или в милицию сразу обращайтесь — это налево и минут пятнадцать ходу.

— Ну что ж, спасибо большое, — Андрей улыбнулся, но продавщица неудовлетворенно хмыкнула в ответ.

— Купите хотя бы сыр! — потребовала она.

— Нет, я только что... впрочем, быть может, у вас есть вода? Без газа, не холод...

— Есть ситро, — перебила продавщица, — «Буратино», — и, встретив его изумленный взгляд, продолжила менторским тоном, — газированный напиток золотистого цвета, приятного кисло-сладкого вкуса. Срок хранения — не более пяти суток. Стоимость — десять копеек... — она помедлила, — вообще-то, без стоимости посуды, но вам, — акцентируя слово «вам», — я, пожалуй, продам и так. Десять копеек, берете?

«Бог ты мой, она совершенно не в себе!» — Андрей машинально кивнул и, достав кошелек,

попытался было найти мелочь. Номинал самой маленькой купюры был с двумя нулями. Он крикнул и нерешительно протянул сотню продавщице. Та уставилась на деньги с каким-то совершеннейшим омерзением.

— Откуда я вам возьму сдачу? — буркнула она и посмотрела на Андрея, явно ожидая немедленного ответа. Он пожал плечами в замешательстве.

— А и черт с вами! — зло бросила продавщица, — берите так, занесете потом. Ведь занесете же?

Он кивнул, чувствуя себя отчего-то совсем пристыженным.

— А, ни хрена вы не занесете, знаю я вас, — продавщица злобно плюнула на пол, — не пудрите мне мозги! — она протянула ему бутылку. — Вам открыть?

— Да, то есть... нет, пожалуй, я сам... — Андрей вконец запутался и приняв теплую и отчего-то липкую бутылку из рук продавщицы поспешил ретироваться.

— Мерзкое жулье... — донеслось до него сквозь прощальный звон колокольчика, когда он открывал дверь.

На улице ровным счетом ничего не поменялось. Хотя прислушавшись, он различил шум где-то на краю восприятия, будто далеко за городом кто-то упражнялся в автогонках.

Андрей медленно побрел в направлении, указанном продавщицей, по сути, возвращаясь к дому Кольцова. Сделав несколько шагов, он остановился и задумался. Положительно, почтамт не мог оказаться тем самым приземистым зданием с трубой. Разве что здешние почтальоны всю жгут корреспонденцию, по совместительству исполняя обязанности кочегаров.

В таком случае продавщица или подсказала ему неверно, или...

Он оглянулся и увидел, что стоит на т-образном перекрестке. Серая, замусоренная дорога уходила вправо — видимо, ему следовало повернуть. Хотя и эта мысль вызывала некоторое сомнение — хоть убей, он не помнил, чтобы проходил мимо перекрестка на пути к магазину. Быть может, он так же прошел мимо почты и не заметил ее?

По всему, следовало вернуться обратно и спросить у продавщицы, как пройти или проехать к автовокзалу, да и уехать к чертовой матери из этого серого мертвого города.

Андрей живо представил себе, как едет прочь от... как бы эта клоака ни называлась, на

прогнившем до дыр автобусе с выбитыми стеклами. И неожиданно улыбнулся этому абсурдному видению.

А, была не была! Он решительно перешел дорогу и, не утруждая себя соблюдением правил дорожного движения пошел прямо посередине ее, стараясь не сходить с полустершейся двойной разделительной полосы.

Не успел он сделать и нескольких шагов, как шум автомобильного двигателя, доселе глухой и далекий, внезапно усилился многократно, и на дорогу прямо перед ним выехал старенький битый УАЗ желтого цвета с синей полосой, на которой было большими буквами написано «милиция». Машина притормозила, не доезжая пару метров до Андрея. Двери распахнулись и, как братья из одного стручка, из салона выскочили двое в одинаковой синей форме, с фуражками, лихо заломленными на затылок. Вид у них был почти смешной и совершенно нестрашный. Андрей не испугался даже увидев в руке того, что слева, тупорылый пистолет, направленный прямо на него.

— Стоять, руки вверх! — крикнул милиционер с пистолетом.

— Что?.. — он был настолько изумлен, что даже и не подумал остановиться, продолжая движение к машине.

Не раздумывая, милиционер поднял руку

вверх и нажал на курок.

В тишине застывшего города выстрел прозвучал как гром. Несколько ворон с карканьем слетели с деревьев и, возмущаясь, улетели прочь. Где-то далеко-далеко жалобно заплакал ребенок...

Андрей остолбенел, ясно понимая, что сейчас просто необходимо поднять руки и делать все, что прикажет спятивший мент, но тело отказывалось повиноваться. Он непонимающими глазами скользил по уазику, пытаясь разобрать и осознать цифры, нарисованные на номере: в эти мгновения ему показалось особенно важным прочитать и запомнить номер автомобиля. Прочитать и запомнить номер...

— Первый выстрел в воздух, второй в тебя! — звонко закричал милиционер. Даже в этот ужасающий миг, продолжая с тупым упорством пялиться на автомобиль, Андрей подумал, что голос его звучит фальшиво, так, будто он повторяет фразу из какого-то давно забытого советского фильма.

Обретя через несколько невыносимо долгих секунд контроль над телом, Андрей поднял руки над головой так высоко, что почувствовал, как хрустнули суставы.

— Вот так и стой, — неожиданным басом одобрительно прогудел второй милиционер.

— Михалыч, — крикнул он в сторону

уазика, — доложишься там, что мы поймали вора.

— Рация барахлит, — из открытого окна показалась заросшая густой бородой рожа. Должно быть, это и был Михалыч. — Так повезем, а там и оформим по всем правилам.

— А может, мы его... — задумчиво произнес милиционер с пистолетом, из дула которого вялой змеей выползала струйка сизого дыма, — ... при оказании сопротивления... как особо опасного?..

— Шлепни его, Петюня, — заржал Михалыч, побагровев еще больше, — пусти кровушку!

Петюня оскалился, показав длинные желтые зубы, и медленно навел пистолет прямо на Андрея.

— Ну что, касатик, будешь знать, как воровать ситро.

До этого момента Андрея не покидала мысль, что он участвует в какой-то нелепой уличной постановке, быть может, в некоем извращенном флешмобе. Однако, глядя в черную бездну дула, что, казалось, увеличивалось и пульсировало, он внезапно ощутил, что милиционеры не блефуют и действительно собираются его убить.

— Я... — во рту пересохло, и он не мог подобрать нужных слов. Все знание родного языка улетучилось, оставив его наедине с одной всепоглощающей мыслью о том, что он вот-вот прекратит жить.

— Я...

— Ты хер с бугра! — Петюня еще больше оскалился, раззявив рот в дикой улыбке почти до ушей, и приготовился стрелять.

Понимая неизбежность собственной смерти, Андрей выкрикнул единственное слово, что крутилось в его голове:

— «Кольцов»!!!

Петюня поперхнулся так, будто только что проглотил огромную рыбью кость, и немедленно спрятал пистолет в кобуру, воровато оглядываясь. Распаренная репа головы Михалыча скрылась в кабине. Молоденький милиционер справа, до этого мгновения трепетно ожидающий зрелища неминуемой казни, очнулся от наваждения, потупил глаза и принялся нарочито-сосредоточенно изучать свои не очень чистые ботинки.

— Вот оно как... — с горечью нарушил молчание Петюня... — Значит, приходи кто хошь, воруй...

— Убивай... — тихо и печально добавил молоденький милиционер.

— Убивай... а потом раз... и на тебе! Ну ладно, касатик, — с нескрываемой ненавистью выплюнул он, — поехали в участок. Пусть Рондин разбирается.

Он медленно подошел к Андрею, оказавшись почти на голову ниже, и неожиданно ударил его кулаком в пах.

Андрею показалось, что тело его внезапно перестало подчиняться законам гравитации и взмыло в воздух. Боль была настолько свирепой, что в глазах мгновенно потемнело. Он скорее почувствовал, чем увидел, как падает на грязную дорогу, сложившись перочинным ножом.

— Вот так, — зашипел Петюня ему прямо на ухо, обдав его смрадным дыханьем, — руки давай, сука, руки!

Теряя сознание от боли, Андрей ощутил, как ему грубо заломили руки за спину. Миг, и он услышал щелчок наручников, по-волчьи вцепившихся в запястья.

— Вставай, гомик! — взвизгнул молоденький женоподобный милиционер.

Андрей хотел было объяснить ему, что он не гомик; что у него есть жена и ребенок и он директор фирмы, которая черт-те чем занимается, но в этот момент Петюня потянул его вверх за волосы и, поставив на колени, зверски пнул коленом в лицо.

Вновь оказавшись во власти тьмы, он не потерял сознание, скорее, отключился, продолжая какой-то частичкой сознания анализировать сигналы, поступающие из окружающего мира. Чьи-то сильные руки волоком тащили его по асфальту — он чувствовал, как колени трутся о шершавую поверхность. Затем его бросили в

машину, смердящую водкой и потом, и секунду спустя с ревом и фырканием уазик ринулся вперед, весело подскакивая на ухабах.

5

Поездку в участок Андрей запомнил смутно. Он то и дело проваливался в темноту, не теряя сознания, но находясь на грани ухода в черную пустоту. Его тошнило, отчаянно ныло в паху. Челюсть, к счастью, оказалась неповрежденной, однако головная боль, преследовавшая его с утра, теперь усилилась многократно. Каждый раз, когда машину встряхивало, ему казалось, что череп его вот-вот лопнет, как гнилой арбуз, расплескав содержимое по всему смердящему салону.

Машина резко остановилась. От неожиданного толчка его швырнуло о стену и он крепко приложился макушкой. Перед глазами взорвались белые звезды, и на мгновение он потерял способность видеть.

Двери уазика распахнулись, и его вытолкнули из машины. Холодный уличный воздух был восхитительно сладок после смрадного тесного салона.

Ему не дали возможности насладиться передышкой и чуть ли не волоком потащили вперед.

— Давай, педик! — манерно пищал молоденький милиционер, ухватившись за его правый локоть и заломив скованную за спиной руку еще сильнее.

— Смотри не поломай его там, — с надеждой и одновременно с сожалением предупреждал другой голос. С трудом повернув голову и наткнувшись на свинцово-яростный взгляд Петюни с пистолетом в руках, Андрей почему-то не на секунду не усомнился в том, что тот выстрелит, пресекая даже намек на любое лишнее движение, которое будет истолковано как попытка к бегству.

Поднявшись на низкое бетонное крыльцо, они оказались у простых, оббитых растрескавшейся вагонкой дверей. Возле них, прислонившись к парапету, мрачно курил мужчина в джинсах и бронежилете. Рядом, прямо на крыльце, валялся «АК-47» с укороченным стволом.

— Что, Петюня, — хмыкнул он, глядя, впрочем, не на Петюню, а куда-то в небо, — небось лиценца поймал? Поди, голову ему отрезать будешь? — и хрипло, кашляюще заржал.

— Если бы, — сплюнул черной слюной Петюня, — с этим Рондин пусть разбирается. Это, брат, рецидивист.

— А-а... — с явным сожалением протянул мужчина и тотчас же потерял к Андрею всяческий интерес.

За дверью был небольшой предбанник, в конце которого за большим стеклом находились несколько бесцельно слоняющихся мужчин. Их приглушенная монотонная беседа, казалось, состояла из одного мата. В воздухе висел густой табачный смог.

— Але, открывай курятник, Сополь! — весело гаркнул Петюня, помахивая пистолетом.

Один из мужчин тупо уставился на него. Медленно, будто передвигаясь под водой, он подошел к столу и нажал на какую-то кнопку на пульте. Раздался резкий звонок, и одновременно щелкнул электрический замок на зарешеченной дверце слева от Андрея.

Петюня крепко ухватил его за плечо и толкнул вперед.

— Давай, касатик, вперед, здесь тебе не музей!

За дверью вдаль уходил длинный и узкий коридор, в котором с трудом могли бы разойтись два человека. Стены коридора были покрашены давно облупившейся тошнотворно-желтой краской. С потолка через неравные промежутки свешивались белые светильники — половина из них не горела. Тут и там, по обе стороны были плотно закрытые двери. Продавленный паркет елочкой неустанно скрипел под ногами.

Окон в коридоре не было.

Дверь справа неожиданно открылась; Андрей с трудом избежал удара по плечу. В проеме появилась невысокого роста полная блондинка в явно укороченной форменной юбке, открывающей вид на жирные ноги, обтянутые черным капроном. При виде Андрея она фыркнула и скрылась за дверь.

Они остановились у двери, табличка на которой гласила: «Рондин Николай Алексеевич. Начальник УВД Фркнцезского района».

Андрей во все глаза уставился на табличку. Мало того, что она была прикреплена криво, в ней явно имелась ошибка и ошибка неприятная, режущая глаз. Он попытался было прочесть название района про себя, и голова отозвалась тупой вспышкой боли. Нет, такого названия даже в этом городе быть не может. А где, к слову, название города?

— Тут стой, — скомандовал Петюня. Роберт, посмотри, у себя ли?

Молоденький милиционер споро подскочил к двери и, постучав из вежливости, тотчас же ухватился за ручку и потянул ее на себя. Дверь оказалась запертой.

— Вот сука, — равнодушно выругался Петюня. — Ладысь, пойдём, друг, в аквариум. Поплаваешь там, пока Алексеич не вернется. Глядишь, к вечеру будет.

Андрей не успел и рта открыть — он все еще был не в состоянии оказывать сопротивление — как Петюня заломил ему руки и, посвистывая, повел его прочь от двери.

Метров через пять коридор сворачивал под прямым углом. Прямо на углу, за простой белой дверью, судя по всему, находился туалет — вонью оттуда потянуло совершенно невыносимой. Далее, за поворотом, коридор расширялся. С одной стороны его за решеткой располагалась большая камера, в углу которой прямо на полу сидел бородатый мужчина в легком летнем пиджаке и рваных джинсах. Услышав шаги, он поднял голову и посмотрел на Андрея. Лицо его представляло собой один сплошной синяк. Густые усы стали красно-черными от запекшейся крови. Один глаз заплаыл настолько, что полностью закрылся.

Он безучастно кивнул и снова опустил голову на руки.

С противоположной от камеры стороны находился еще один приемный пункт. Видимо, у участка было два входа.

Стекло, сплошь оклеенное исписанными бумажками, треснуло и было настолько грязным, что в свете тусклой электрической лампочки лица милиционеров казались призрачными, зыбкими. В крошечном кабинетике находились двое. Один, в нелепо сдвинутой набок форменной фуражке,

курил, прислонившись к большому металлическому комоду. Второй сидел за столом и пристально следил за мужчиной в аквариуме.

— Привет, упыри! — по-свойски поздоровался Петюня, — открывай ворота, принимай клиента.

— Голову ему будешь резать? — с надеждой и завистью спросил сидящий за столом, почти слово в слово повторив вопрос давешнего курца на крыльце.

— Это как Алексеич разрешит, — буркнул Петюня. Мужчина в аквариуме застонал и лег на пол, обхватив колени руками.

— А это что за гусь? — пискнул Роберт, указав на него пальцем.

— Лишенец, — махнул рукой милиционер у комода, — утром поймали.

— Я смотрю, вы времени зря не теряете, — сказал Петюня, и вся компания расхохоталась.

— Та мы так, легонько, пока ты на дежурстве! — махнул рукой один из милиционеров, просмеявшись, — так сказать, предварительный допрос!

— Дознаватель здесь я, — посерьезнел Петюня. — Будя, братцы! Открывай ужо.

Все еще хихикая, милиционер нажал на кнопку, и тут же Роберт, оказавшийся за спиной у Андрея, с такой силой заломил ему руки, что он

упал на колени, корчась и крича от боли.

— Тихо, прыщ, — свирепо зашептал Роберт, — ползи, сука, в аквариум.

Он еще сильнее вывернул руки. Андрей почувствовал, как что-то влажно хрустнуло в плече, и понадеялся лишь на то, что ублюдок не сломал ему кость.

Не вставая с колен, он пополз в сторону камеры. Стоило ему оказаться внутри как Роберт ловко щелкнул наручниками и, не давая ему опомниться, пнул его ногой промеж лопаток. Потеряв равновесие и не успев подставить затекшие руки, Андрей упал бы носом прямо в пол, если бы кто-то не подхватил его. Он поднял голову и с удивлением увидел избитого мужчину.

— Смотри, Петь, — по-женски заливисто сказал Роберт, — не успел в хату зайти, как уже любовь.

— Будет тебе, сука, любовь, — буркнул Петюня.

* * *

Лязгнули замки.

Андрей попытался встать, уперевшись ладонями в пол, но руки не держали его, и он снова упал. На сей раз мужчина не помог ему, и некоторое время он просто лежал, вдыхая вонючую

пыль и слыша удаляющиеся шаги своих недавних конвоиров.

Через несколько минут он, собравшись с силами, поднялся. Сосед все так же безучастно сидел у стены, уронив голову на руки.

Андрей прошелся по камере, присел было на одну из шконок — простую железную скамью, но сидеть на ней было холодно, ему пришлось снова встать, не делая резких движений, каждое из которых отзывалось тупой сверлящей болью в черепе.

— Вы бы все же присели, — хриплым шепотом сказал мужчина у стены.

Андрей последовал его совету. Усевшись напротив своего товарища по несчастью, он некоторое время молчал, растирая ноющие кисти.

— Послушайте, не выдержал наконец он, — что здесь... Где мы, собственно?

Мужчина медленно поднял голову и посмотрел на него одним, относительно не поврежденным глазом.

— Ну... Это же очевидно, — пробормотал он, — мы в милиции... — и он улыбнулся. Губы разошлись в стороны, обнажив осколки передних зубов.

— Я... Какого черта! — Андрей старался не терять самообладания, но... какое тут к дьяволу самообладание! — Вы — местный?

— Местный? — удивленно пробормотал мужчина и улыбнулся еще шире, — а вы сами откуда будете?

— Из... — Андрей на секунду запнулся, — из Ташлинска. — и добавил, сам не зная зачем, — у меня фирма.

— Никогда не слышал о таком городе, — буркнул мужчина, — я из Херсона.

— А, значит, вы здесь проездом?

— Нет... — буднично ответил тот. — Я... еще утром был в Херсоне. Буквально несколько часов тому, — он наморщил лоб, — потом оказался здесь. Потом меня избили до беспамятства и вот...

Андрей непонимающе уставился на собеседника

— Что вы имеете в виду? — наконец произнес он.

— Что тут непонятного? — огрызнулся мужчина, — я шел на пляж. Ну, не совсем на пляж, а к одной своей знакомой, она живет рядом с пляжем и... Это не важно! И я свернул, ну, понимаете, срезал дорогу, понимаете, да? — он поднял глаз на Андрея с таким видом, как будто для него это был вопрос жизни и смерти. — Свернул. И оказался в каком-то... — внезапно он всхлипнул, — сраном парке, что ли? Парке с аттракционами. С этим ч-чертовым колесом... Улица, а потом раз... и парк! Оп-ля!

А потом появился этот ментовской «бобик», и я обрадовался, потому что... Вы поймите меня правильно, у нас в городе есть луна-парк, ну, летний, они приезжают на лето, черт... — он снова всхлипнул, — но это был не он... Это вообще было черт-те что! И я подумал, что у меня галлюцинации, или, хрен его знает, что, я спятил, может быть, от жары...

— От жары? — как попугай повторил Андрей.

— В августе весьма жарко, даже утром. А тут еще какого-то ляда я взял с собой этот пиджак, и я его снял и потом... потом...

Он некоторое время молчал и сидел неподвижно. Потом, совладав с собой, продолжил:

— И я пошел к машине, чтобы узнать, где, собственно, нахожусь. Ну, понимаете, милиция с народом и все такое. А когда я подошел, они сами вышли мне навстречу и я спросил, или... Я не помню! — выкрикнул он, — но они сразу же начали меня бить. Потом, мне кажется, я потерял сознание и пришел в себя уже здесь, в камере. Меня еще чутка поваляли по полу и ушли. И все. Они мне зубы выбили! — он пальцами приподнял верхнюю губу и продемонстрировал рану.

Андрей не знал, что и сказать. История мужчины была совершенно дикой.

— Вы, должно быть, устали... — начал было он, — но мужчина визгливо перебил его:

— Это вы должно быть устали! Я прекрасно помню, кто я и где был еще недавно!

— Послушайте, — с жаром продолжил он, — здесь происходит что-то совершенно невероятное. Вся эта... весь этот город... Вы даже и представить себе не можете. У них там в парке, рядом с какой-то каруселью... с лошадками, знаете, да? Что-то там лежало в траве. Я не смог разглядеть в деталях. Большое, розовое как... поросенок, мило, правда? Только это был не поросенок! — он почти кричал, — я вообще и в страшном сне такого представить себе не мог!

— Эй там, на палубе, — заорал один из милиционеров, — потише!

— Я больше не хочу ни о чем говорить — пробормотал мужчина и отрешенно уставился в стену.

Андрей и сам не хотел продолжать этот разговор. Все происходящее несомненно не укладывалось в рамки логики, и чем более рьяно он пытался найти объяснение, тем хуже у него получалось.

В конце коридора зародился грохот ботинок. Мужчина вскинулся и с испугом посмотрел на Андрея.

Топот катился в их сторону, становясь по мере приближения оглушающе-угрожающим.

— Это за нами, — прошептал мужчина, — за

нами...

Перед решеткой появился Петюня и давешний багроволикий водитель Михалыч. Последний смущенно-стеснительно переминался с ноги на ногу и выглядел как ребенок, которому не терпится развернуть рождественские подарки.

— Ну-ка, — скомандовал Петюня, — открывай давай!

Дверь щелкнула. Он с силой отодвинул ее в сторону и вошел в камеру. Обвел ее тяжелым медленным взглядом и, лениво ткнув пальцем на избитого мужчину, протянул:

— Ты... Да, ты, лишенец. Вставай давай. Потерялся, поди? — он говорил почти ласково, но за безобидными словами скрывалась какая-то необъяснимая звериная ярость.

— С нами пойдешь...

— Я... не пойду, — пробормотал мужчина и упрямо повторил, — не пойду!

— Пойдешь, сука, — Михалыч ступил вперед. С ужасом Андрей увидел, что с его пояса свисает небольшая кувалда.

— Вставай, — пролаял Петюня, — как грится, с вещами да на выход. Нашлись твои родственнички!

— Какие... родственнички? — в полном недоумении и панике прошептал мужчина.

— Щас покажу. Отпускаем мы тебя.

Приносим, так сказать, извинения и все такое. Пошли же!

Он подошел вплотную к мужчине и помог ему подняться на ноги. Крепко взял за локоть и подтолкнул к выходу.

— Я... я... — забормотал мужчина.

— Ты, конечно, ты, кто же еще! Все пучком, батя!

Михалыч протянул лапу и легко подтянул мужчину к себе.

— Топай! — буркнул он.

Мужчина сомнамбулически пошел вперед, подволакивая ноги. За ним проследовал и Михалыч. Петюня, остановившись на пороге камеры, долго сверлил Андрея взглядом, в котором было столько же тепла, сколь много его в леднике на вершине Лходзе.

— Ты посиди пока, — протянул он заботливо. — Мы еще поговорим.

И вышел, с грохотом заперев дверь.

Некоторое время тишину нарушали лишь звуки удаляющихся шагов да скрип паркета. Внезапно Андрей услышал мягкий, но тяжелый удар, сопровождаемый мокрым хрустом, словно кто-то расколол дыню молотком.

Или кувалдой...

За ударом последовало еще несколько сочных влажных шлепков. Затем что-то тяжело обрушилось

на паркет и наступила тишина.

Андрей окаменел, весь превратившись в слух. Через несколько секунд до него донесся слабый, но отчетливый стон и вслед за ним — короткая серия ударов по чему-то мокрому.

— Довольно, — раздался приглушенный голос Петюни, — бери за правую, я за левую. Потащили.

— Ну вот, — тихо и почти сочувственно произнес один из милиционеров, — представился дружок твой

— Ага, — добавил второй, — не выдержало сердце.

И вернулся к кроссворду, над которым корпел все это время.

6

Время тянулось медленно, как патока. Чуть слышно тикали часы, висящие на задней стене «киоска». Любитель кроссвордов спал, уронив голову на журнал. Его напарник дремал стоя.

Андрей сидел на шконке, не сводя глаз с паркетного пола перед камерой, по которому вот уже вечность как медленно ползла тонкая струйка темно-красной, густой, как кисель, крови.

В голове не было ни одной мысли.

Стремление вспомнить, понять, осознать происходящее улетучилось вместе с осознанием того, что его недавнего знакомого только что хладнокровно забили как скот прямо в коридоре милицейского участка. Он не испытывал ни страха, ни желания убежать, находясь в каком-то сонном ступоре. Так, должно быть, чувствует себя осужденный на смерть, только что проглотивший последний кусочек своего последнего ужина.

Услышав скрип досок под тяжелыми шагами в конце коридора, он даже не шелохнулся. Отчего-то в этот момент ему было куда интереснее наблюдать за багровым ручейком, что почти пересек границу камеры. В медленном, завораживающем движении он видел превеликую важность.

Нога, обутая в грязный черный ботинок, наступила на ручеек, расплескав его тонкими брызгами по полу. Андрей ощутил горечь, словно кто-то только что раздавил его надежду.

— Ну-ка, вставай!

Он поднял голову и наткнулся на тяжелый, пристальный взгляд Петюни. Тот был одет в грубый резиновый фартук поверх формы. В правой, свободно висящей вдоль тела руке он сжимал резиновую дубинку.

— Что ты смотришь на меня, как баран на новые ворота? — почти беззлобно процедил Петюня, — начальник пришел. Пошли... до

выяснения...

— А, — безучастно выдохнул Андрей, — я думал... меня отпускают... Домой...

— До этого еще не дошло, — не без сожаления парировал милиционер, — сам встанешь или помочь тебе? — он легонько ударил дубинкой по решетке.

Андрей встал — даже не задумываясь о том, хватит ли у него сил сопротивляться.

— Вот хороший мальчик! Эй, на вахте!

Сонные дежурные разом подняли головы и осоловело уставились на Петюню.

— Открывай воротца!

— А может, хватит на сегодня? — зевнул любитель кроссвордов, — весь участок кровью залит. Кто отмывать будет?

— Ты мне, сука, не дерзи, — спокойно ответил Петюня.

Дежурный махнул рукой и послушно нажал на кнопку. Щелкнул электронный замок.

— Ну-ка, профессор, иди вперед. Руки за спину, Рип ван Винкль, твою мать.

Отстраненно предчувствуя скорую гибель, Андрей все же удивился тому, что садист из пригорода знаком с творчеством Вашингтона Ирвинга. Ассоциация с голландским охотником, заснувшим на гномьей полянке и проспавшим всю жизнь, показалась ему как нельзя более уместной.

Подобно герою одноименного рассказа он заснул и проспал всю свою жизнь, очутившись в странном, безумном мире. Стоило ли сражаться за осколки прошлого, если он не может вспомнить даже собственное лицо?

Он спокойно пошел вперед, не притормозив даже тогда, когда под ногами хлюпнуло что-то мокрое и, опустив голову, он увидел, что ненароком попал в лужу жирной застывающей крови.

Повернув за угол, он сделал еще несколько шагов и остановился рядом с кабинетом начальника Фркенцезского района Города-без-Имени. Почему бы и нет? Да и какая, в принципе, разница?

— Ну, надо же, умник, — притворно восхитился Петюня, — что ты стал столбом? Открывай дверь, лоялист!

Он открыл дверь и оказался в маленьком кабинете без окон, сплошь заставленном ящиками, ломящимися от бумаг. По центру кабинета находился столь же захламленный древний стол, на котором помимо бумаг и папок стояла допотопного вида пишущая машинка. Подле нее был телефон-коммутатор.

За столом, вальяжно развалившись на стуле, сидел мужчина средних лет, который вполне мог быть братом-близнецом гиппопотама из придорожного бара, настолько он был безобразен и тучен. Андрей испытал некую тень удивления, не

представляя, каким образом этот хряк в расстегнутой почти до пупа грязно-белой рубаше смог втиснуть себя в узкое пространство между стеной и столом.

Мужчина был почти лыс — жесткие пучки щетинистых редких волос обрамляли огромную тонзуру, на лоб свешивалась неряшливая мокрая прядь.

Его крошечные глазки тонули в жиру. Щеки, испещренные красными лопнувшими капиллярами, желеобразно тряслись. Многочисленные плохо выбритые подбородки укладывались прямо на поросшую черным курчавым волосом женскую грудь, полностью скрывая шею. Меж двух внушительных сисек тускло блестела толстая золотая цепь с кулоном в виде барана.

Мужчина тяжело дышал, приоткрыв рот. Возле него стоял большой граненый стакан, до краев наполненный мутноватой жидкостью. В кабинете висел тяжелый дух перегара и пота.

Андрей инстинктивно огляделся в поисках стула и не найдя ничего похожего, остался стоять как истукан.

— Вот, Алексеич, — развязно отрапортовал Петюня, — привел туриста.

— А-а... — мужчина уставился на Андрея и насупился, — но-о... почему сам... не управился, а?

— Так... — Петюня осекся, — тут такое

дело, — он подскочил к начальнику и что-то зашептал ему на ухо. Андрей расслышал слово «Кольцов» и почему-то «Эпименид»³.

Рондин тяжело кивал, не сводя свиных глазок с Андрея.

— Понял, — наконец, медленно произнес он. — Ты вот что, Петя, иди-ка на главный, спроси там, кто есть на колесах. А я пока с нашим гостем побеседую.

— Есть Николай Алексеевич! — Петюня откозырял, смерил Андрея еще одним злобным взглядом и вышел вон, аккуратно притворив дверь.

Некоторое время Рондин молчал, сверля Андрея поросычьими зенками. Затем выдохнул тяжело и приложился к стакану, опустошив его чуть ли не наполовину. Потер пухлые отекавшие руки.

— Так, значит, воруем? — хрюкнул он.

Андрей непонимающе уставился на него. Он все еще находился в сонном полутрупном оцепенении, но подсознательно начинал понимать, что, возможно, его пощадят... Во всяком случае немедленная смерть ему не грозила.

---

³ Древнегреческий жрец и провидец. По преданию заснул в зачарованной пещере Зевс на горе Ида и проснулся лишь через 57 лет.

— Ну как же, — продолжил Рондин, не дожидаясь ответа, — все ясно как день. Бутылку ситра кто украл? Карл Катц⁴?

— ...Какое, простите?.. — тут до него дошло, — погодите, я же его купил!

— Ну да, купил, — издевательски хихикнул начальник, — а вот мне доложили, что ты за него не заплатил и быстрым шагом, а это почти что «бегом» отправился прочь, невзирая на мольбы беззащитной продавщицы. Скотина.

— Послушайте, здесь какая-то ошибка. Я не... у меня есть деньги, и я предложил ей, но она...

— Ну ладно, ладно, кто не без греха, — миролюбиво просипел Рондин, — скрыто и забыто. Ты мне лучше вот что скажи. Как давно ты знаком с Кольцовым?

— Да вчера и познакомился. Послушайте, я... — ему показалось, что упоминать о потере памяти не совсем разумно, — я проездом в вашем городе. Следую в Ташлинск. У меня там, — он чуть не произнес «фирма», но прикусил язык, — семья. Жена, ребенок. Да что там, вы только позвоните, вот... — он полез в карман и, достав из кошелька визитку, протянул ее Рондину, — и вам все

---

⁴ Герой одноименной сказки братьев Grimm, проспавший 100 лет на поляне гномов.

подтвердят.

Тот без всякого интереса посмотрел на визитку и махнул рукой.

— Мне твои фальшивки, как мертвому припарка. Что, поди, порассказал тебе Кольцов всякого? Мол, зверства тут у нас творятся, да? Помочь бы надо, да? Вербовал тебя? — и внезапно с грохотом опустил тяжелый кулак на стол, от чего стакан, подпрыгнув, опрокинулся набок, разливая содержимое по бумагам. — Отвечай, падла!

Дверь распахнулась, и в проеме появился Михалыч. Его бородатая рожа была забрызгана кровью.

— Вызывал, Алексеич? — кровожадно рывкнул он, — поди упорствует наш лишенец?

— Он не лишенец! — заорал Рондин, наливаясь краской, — пшел вон!

Михалыча как ветром сдуло. Рондин уставился на Андрея тяжело и свирепо дыша. Понемногу успокаиваясь, он потянулся было к стакану, но обнаружив, что тот лежит на столе, хмыкнул и аккуратно поставил его на место.

— Ты, это... — он замолчал и некоторое время просто смотрел куда-то поверх Андрея.

Андрей тоже молчал. Появление залитого кровью Михалыча пробудило в нем настолько сильный страх, что он ощущал, как трясется всем телом, и лишь молился о том, чтобы Рондин этого

не заметил.

— Да ты обоссешься щас, — хмыкнул тот. — Ты вот что, слушай. Я, пожалуй, тебя отпущу. Домой.

Страх перерос в ужас. Перед глазами стало быстро темнеть; голос Рондина доносился издалека, приглушенно.

— Ну, или куда там тебе надо? К Кольцову не ходи. Нечего там... А... мы тебя отвезем в гостишку при жэдэ. Там переночуешь, за счет муниципальных средств, а завтра с утра сядешь на поезд и поедешь в свой Херсон.

— Т-ташлинск, — с трудом выдавил из себя Андрей.

— Пусть Ташлинск. Вот и все. И никаких проблем. Ты не в претензии, старина?

— Н-нет...

— Ну и хорошо. А что ребята помяли тебя чутка, так с кем не бывает. — и уже другим голосом, — Горенко!

В дверях снова возник Михалыч.

— Можно, можно Алексеич?

— Горенко, там Петя должен был узнать за колеса. Так вот, посади нашего гостя на машинку и отправь в «Гжель».

Михалыч осоловело уставился на начальника.

— В... гостиницу?

— Именно туда. И купи ему билет на поезд.

Хотя, что это я. Ты, мил человек дорогой, извини, но билет купишь сам. Завтра с утра и купишь. Что-то мне подсказывает, что свободных мест на Ташлинск — пруд пруди, — он то ли хихикнул, то ли хрюкнул себе под нос.

— Я... Ах, поезд! — Михалыч разулыбался во весь рот, — ну конечно же — поезд! Сделаем, Николай Алексеевич!

Он повернулся к Андрею и по-лакейски, с преувеличенной вежливостью, распахнул перед ним дверь.

— Прошу!

Сомнамбулически переступая ногами, Андрей побрел вперед.

— Слышь, турист, — бросил Рондин.

Он остановился на пороге, понимая, что все происходящее — фарс и не более того. Что вот-вот, по отмашке Рондина, Михалыч снимет с пояса окровавленную кувалду, на которой до сих пор оставались прилипшие кусочки кожи и волос незадачливого лишенца из Херсона и...

— Завтра, как проснешься, — сразу же иди на вокзал. Чтобы духу твоего не было в моем городе. Тебе все понятно?

— Все понятно, — тихо ответил он.

— Ну, тогда иди.

На крыльце перед участком собралось человек восемь. Все курили и с каким-то детским любопытством поглядывали на Андрея.

— Сюда, — скомандовал Михалыч и указал на желтую «Волгу» с шашечками.

Он безропотно подчинился.

Вечерело. Темные тени змеями ползли по асфальту. На небе наперегонки неслись рваные тяжелые облака. Деревья о чем-то тихо шептались между собой, шелестя голыми ветвями.

Андрей оглянулся в последний раз на участок и, стараясь не смотреть на людей, всюду шушукующихся за его спиной, поспешил к авто. Прямо перед машиной, небрежно облокотившись о капот, стоял Петюня. В сумерках лицо его казалось маской, плохо натянутой на звериную морду. Он приветливо улыбался.

— Карета подана! — он открыл дверь. Когда Андрей забирался в салон, он наклонился и тихо прошептал: — А то оставайся, мразь!

Андрей стиснул зубы и захлопнул дверь. Машина тотчас же тронулась с места. Андрей посмотрел на водителя — угрюмого скуластого мужчину в кожаной кепке. Тот казался восковым, неживым.

Ехали молча. Водитель не включал фары, и Андрею оставалось лишь смотреть в окно, стараясь

разглядеть хоть что-то в сумерках. Один раз ему показалось, что за деревьями мелькнули очертания гигантского чертова колеса, но он не был уверен, что зрение и усталость не сыграли с ним шутку.

В очередной раз свернув, машина выехала на небольшую площадь, по центру которой расположено было ветхое двухэтажное здание с трепыхающимся флагом на крыше.

— Горсовет, — бросил водитель, и не успел Андрей отреагировать, как площадь осталась позади и снова потянулись однообразные пятиэтажки.

Минут через пятнадцать монотонной езды, сопровождаемой приглушенным дыханием водителя да равномерным стуком мотора, Андрей, к удивлению своему, обнаружил, что начинает клевать носом. Можно ли, в принципе, заснуть, будучи избитым и едва избежав мучительной смерти? Оказывается, можно, и даже очень. Он не думал о завтрашнем дне. Не думал о поезде, который унесет его прочь из этого «Города Зеро»⁵. Не думал о той жизни, что оставил позади и к которой скоро вернется. Все его мысли были только о том, чтобы как можно скорее добраться до

---

⁵ Одноименный сюрреалистический художественный фильм.

постели и заснуть. Как знать — быть может, единственным правильным решением сейчас является немедленное бегство из города? В конце концов, практически на его глазах было совершено чудовищное преступление и шансы, что его просто так отпустят, были ничтожны. С другой стороны, если Рондину и его сообщникам взбредет в голову прикончить его — им ничто не помешает.

— Вот здесь у нас, стало быть, школа, — тоном любезного гида произнес водитель и указал в сторону длинной одноэтажки, ощерившейся многочисленными окнами. Для деток, стало быть! — и снова замолчал.

Минут через десять машина свернула на узкую улочку и остановилась перед трехэтажным строением, выкрашенным когда-то белой краской. Даже в сумерках складывалось впечатление, что фасад долго и упорно расстреливали из крупнокалиберного пулемета, до того обшарпанным он был. Узкие двери были распахнуты настежь. В дверном проеме, прислонившись к косяку, затенял свет человеческий силуэт.

— Приехали, — бросил таксист. — Я вам багажник открою.

Андрей тупо уставился на него. Он бы не удивился, если бы таксист предложил ему лезть в багажник.

Мужчина хихикнул.

— Эт я так, шуткую, — заявил он, — вы же налегке. Сюда все приезжают налегке. Ну, идите, ночь скоро, негоже мне здесь оставаться.

Стоило Андрею выйти из машины, как он снялся с места и вскоре исчез, растворившись в тенях.

Андрей постоял немного на улице, вдыхая холодный вечерний воздух. Посмотрел на небо в надежде увидеть восходящую луну, но плотные облака снежным одеялом укрыли небосвод. Он вздохнул и побрел к гостинице.

Подойдя поближе, он с тупым равнодушием отметил, что у мужчины, стоящего в проходе, только одна нога. Вторая штанина была завернута чуть выше колена.

Тот, казалось, только сейчас заметил Андрея — приветливо улыбнулся, показав полный рот черных, стершихся до пеньков зубов, не трогаясь впрочем, с места.

— Милости просим в «Гжель!» — на удивление зычно пробасил он, — лучшая гостиница области!

— Меня... Мне забронировали номер, — промямлил Андрей.

— Это предусмотрительно! Ведь у нас, как правило, все номера заняты! — мужчина отлепился от косяка и поскакал в сторону пыльной стойки в

глубине полутемного холла. Не допрыгнув нескольких метров до цели, он споткнулся и с жалобным криком растянулся на полу.

Андрей бросился было на помощь, но мужчина остановил его:

— Я сам! Я все привык делать сам! — с видимым усилием он пополз, извиваясь как уж. Оказавшись за стойкой, подтянулся на руках, не без усилия плюхнулся на высокий стул и улыбнулся.

— Ну вот, волноваться не о чем, — прошамкал он, шмыгнув носом, — вы, надо полагать, из Олиума к нам приехали?

— Нет, не... я, меня Рондин прислал. У меня завтра поезд.

Лицо клерка странным образом изменилось — застыло. Глаза опустились долу, губы сжались, улыбку как ветром сдуло.

— Значит, поезд, — помолчав, буркнул он, — ну что ж, поезд так поезд. Я дам вам ключ от седьмого. Это на первом этаже, не доходя до туалета, хм-м, туалет здесь общий, как вы, возможно, уже и сами догадались, а вот ванная в номере есть.

— Есть ванная, но нет туалета?

— Конечно, — ответил клерк буднично, — можете помыться с дороги.

— Непременно, — Андрей не был уверен, что он воспользуется советом, поскольку единственным

его чайным сейчас было как можно быстрее добраться до кровати.

— Постельное белье в номере, — процедил клерк, — телевизор... там нужно будет подшаманить с антенной, правда... Подшаманите ведь?

— Конечно. Послушайте, можно мне ключи?

Клерк задумчиво посмотрел в потолок.

— Поезд, значит... — повторил он. И спохватившись, — ключи.

Он порывлся под стойкой и извлек ржавый ключ на брелоке в виде деревянной груши.

— Вниз по коридору, пожалуйста. Тут надо бы расписаться, но уж коль завтра поезд... Ложитесь спать.

Андрей побрел прочь по коридору еле волоча ноги по древнему зеленому ковру, изрешеченному молью. Уже на подходе к номеру он вспомнил, что с утра кроме творожников ничего не ел, но был слишком измучен, чтобы возвращаться и спрашивать портье есть ли у них кафе. В конечном счете, за ночь он от голода не умрет.

Он долго возился с ключом, который упорно не желал отпирать дверь, и, зайдя в номер, не сразу нашел выключатель. Включив наконец свет, он обнаружил перед собой маленькую комнатку, большую часть пространства которой занимала широкая кровать под светло-коричневым одеялом.

В противоположном углу стоял телевизор на ножках. Возле него, на туалетном столике находился пыльный графин, наполненный мутной водой, и два перевернутых стакана. Окно, завешанное серым полуистлевшим тюлем, было наглухо закрыто и зарешечено. Прямо у входа была еще одна маленькая дверь. Он открыл ее и оказался в крошечной ванной, состоявшей собственно из одной лишь ванны — черной от плесени и возраста; и душа, мертвой змеей свернувшегося над нею. На полу, выложенном белым расколовшимся кафелем, валялось несколько полотенец. В центре пола красовалась черная дыра, видимо — сток с отсутствующей решеткой.

Андрей пожал плечами и вышел из ванной. Не задумываясь, налил полный стакан воды и выпил залпом. Вода отдавала тиной, но он был не в том положении, чтобы предъявлять претензии.

Не раздеваясь, он лег на кровать, успел подумать о том, что следует запереть дверь на засов и выключить свет, и... заснул.

Интерлюдия 2

— Я задремала, да? — Алена неловко улыбнулась, и Андрей улыбнулся в ответ, не отрывая глаз от дороги, подсвеченной фарами «Ауди».

— Ну конечно заснула. Андрюш, ты ведь должен был меня разбудить засветло! — она посмотрела на электронные часы на приборной доске, — ого! Уже три часа ночи. Мы подъезжаем к границе, да?

— Будем через часа полтора, — пробормотал он.

Она оглянулась на заднее сиденье. Там в невообразимой позе спал Юрка Батькович. Там же, невидимый и немой, находился Андрей-тень. Она посмотрела прямо ему в глаза, и на мгновение ему показалось, что она увидела его, но вот черты ее лица смягчились, и она, улыбнувшись, протянула руку и поправила непослушную прядь волос, упавшую на сыновний лоб. Юрка заворочался, потянулся, при этом руки его прошли сквозь Андрея-тень, как сквозь пар, и снова затих.

— Ты знаешь, — задумчиво произнесла Алена, — мне приснился очень странный сон. Какой-то... совершенно дикий сон, я бы сказала...

— М-да? — Андрей хмыкнул и крепче сжал руль, объезжая возникшую в круге света небольшую ямку.

— Да... — она замолчала, зачем-то полезла в сумочку, потом отбросила ее в сторону и уставилась в окно, залитое чернильной тьмой. Не поворачивая головы, сказала:

— В этом сне, Андрюша, мне снилось, что я

сплю и вижу сон... Про нас...

Он озадаченно посмотрел на нее.

— И что же мы? Веселимся голыми в бассейне у Степаныча?

— А что, Степаныч закончил бассейн? — безразлично спросила она, — у него же там с подрядчиком... — и, не меняя тона, продолжила: — нет, не про Степаныча. Про то, что я — это не я, а не пойми кто. Какая-то тень... — помолчав, сказала она, и Андрей-тень вздрогнул.

Словно я здесь с нами, в нашей машине на заднем сиденье. И я вижу, вот смешно, вижу тебя, точнее, твой затылок, вот так отчетливо вижу, и родинку эту твою, и раздражение под волосами, словно ты... Ты чесался там?

— Может, и чесался, не помню, — ответил Андрей. В его голосе сквозили раздражение и усталость.

— Ну... и себя вижу. Спящую, прямо рядом с тобой. Я такая некрасивая, когда сплю. Рот открыт так, будто я умерла. Помнишь, у Дали в «Дневнике одного Гения?» Когда он спал и пускал слюну? Я все смотрела на себя и думала: когда же она пустит слюну? И еще, смешной такой момент, я все пыталась почему-то почувствовать что-то к себе. Ощутить родство. И... не поверишь — вообще ничего не ощущала.

Потом, я посмотрела вбок и увидела Юрку

Батьковича. Как он болтает ногой во сне, словно собачка. Я так и подумала: как песик, и мне, — она поперхнулась, и все наигранное веселье улетучилось из ее голоса, — мне стало неприятно. Понимаешь, мне был неприятен собственный сын! Вот только... я не чувствовала, что это мой сын. Признаюсь честно, я вообще не уверена, что была женщиной...

— А кем же? Степанычем? — проворчал муж.

— Да что ты пристал с этим Степанычем? Ты слушай, это такой сон, который надо рассказать. Тогда не сбудется.

Андрей замолчал. По его лицу было ясно, что он пропускает монолог жены через некий фильтр, позволяющий ему оставаться сосредоточенным и следить за ночной дорогой.

Зато Андрей-тень слушал и впитывал каждое слово.

— И вот, я сидела там сзади и пыталась вспомнить, что вы — моя семья. А я... а я — это ты! — с каким-то детским удивлением вскрикнула она. — Ну да, я это ты! Или... не совсем ты. Сам черт ногу сломит. Ты, утративший способность любить нас, вот так! Но, не потому, что ты плохой человек, а потому, что... ты... это не ты, — она хихикнула, и Андрей озабоченно посмотрел на нее.

Так вот, я сижу и смотрю, и тут я понимаю, что все мы, все без исключения, вот-вот... — она

понижила голос до шепота, — умрем.

Не отвечая, Андрей включил поворотник и мягко припарковал машину у обочины. Нажал на кнопку аварийной сигнализации и, не глуша мотор, внимательно посмотрел на жену.

— И от чего же мы умрем? — серьезно спросил он.

— Мы столкнемся с айсбергом, — без тени сомнения ответила Алена.

Глава 4

1

Андрея разбудили пружины матраса, немилосердно впившиеся в бок и омерзительно скрипящие при малейшем движении.

Не открывая глаз, он старался удержать обрывки ускользящего сна. Айсберг... Она сказала: «Айсберг...» Постойте-ка, ведь это...

... скатился с кровати под жалобный хор пружин и, попытавшись сесть, чуть не упал на пыльный деревянный пол.

Отчаянно ныла челюсть, сводило в паху, но в целом, учитывая все обстоятельства, он чувствовал себя весьма сносно. Головная боль, мучившая его весь вчерашний день, прошла без следа.